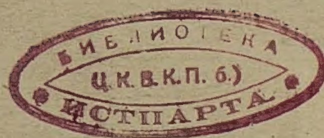
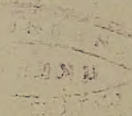
П. ШУБИН

КАК ФАБРИКУЮТСЯ ПОВОДЫ К ВОЙНАМ

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ

П. ШУБИН

КАК ФАБРИКУЮТСЯ ПОВОДЫ К ВОЙНАМ

(ДИПЛОМАТИЯ, ПАЦИФИЗМ, СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ
и ВОЙНА 1914—1918 гг.)

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА 1927 ЛЕНИНГРАД

Мосгублит 32.694 Заказ № 1759 Тираж 10.000

„Интернациональная" (39-я) тип. „Мосполиграф", Путинковский, 3.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Механика дипломатического обмана	5
Расстановка сил для войны	10
Разделение труда между дипломатами и вождями с.-д. в Германии	17
Англо-французская провокация в Петербурге	27
Французские социалисты премируют миротворца Пуанкаре	33
„Интернационализм“ и социал-предательская дипломатия	40
Вильгельм в тупике и вынужденный „Эндшпиль“	46
Господь бог на английской службе	51
Буржуазный пацифизм и протест масс	57
Военная сверхприбыль „пацифизма“	69
Не обманутые „дурачки“, а сознательные предатели	79
Примеры прошлой войны	88

МЕХАНИКА ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО ОБМАНА

«Никогда не врут так много, как перед войной, во время выборов и после охоты». Это изречение принадлежит Бисмарку, грубейший подлог которого спровоцировал франко-германскую войну 1870 г. Несколько минут поработал Бисмарк над телеграммой, посланной прусским королем Вильгельмом французскому императору Наполеону III, и получился документ, который не только определил момент взрыва войны, но и создал впечатление, будто Германия ведет вынужденную, оборонительную, «священную» войну. «Подлоги составляли органическую часть «национальной» политики и «гениального» государственного искусства Бисмарка»,— писал Вильгельм Либкнехт, характеризуя дипломатическую деятельность железного канцлера по подготовке войны 1870 г. [1]).

За полвека, протекшего со дня бисмарковского подлога, дипломатическое искусство по части провокации войн и втягивания масс в кровавый капкан достигло небывалого совершенства. Из класса, еще способного ставить себе исторически прогрессивные задачи, буржуазия превратилась в носительницу реакции, паразитизма и распада. Эпоха национальных войн сменилась эпохой войн империалистских, по отношению к которым имеет особую силу завет удачника-фальсификатора Бисмарка: «Даже победоносные войны только тогда оправдываются народом, когда они являются (т.-е., конечно, изображаются буржуазией.—П. Ш.) вынужденными». Но естественно, что сила обмана, необходимая, чтобы погнать на империалистическую бойню миллионы и десятки

[1]) Wilhelm Liebknecht „Die Emser Depesche". S. 64.

миллионов, превышает кустарный бисмарковский обман в такой же пропорции, в какой разрушительное действие механического ружья, газовой атаки и дальнобойной артиллерии превосходит действие игольчатой прусской винтовки. Буржуазная государственность создает специальные аппараты, которые изучают, совершенствуют и применяют все таинства дипломатической лжи, провокации, притворства и подстрекательства, направленных на то, чтобы поставить народы перед фактом войны, которая каждым из участников об'является вынужденной, навязанной, оборонительной и священной. Руководящая роль в этих лабораториях лжи принадлежит буржуазной дипломатии; массовое же производство обмана и его распространение возлагается на вождей социал-демократии. Наш век характеризуется тем, что когда дипломаты особенно энергично начинают «работать над сохранением мира», а вожди социал-демократии особенно рекламно начинают кричать о своей готовности «бороться против войны», то это означает, что опасность войны очень близка.

В одной из своих последних статей, посвященной организации действительной, т.-е. революционной борьбы с надвигающейся войной («Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге»), тов. Ленин указывал,что «по ряду вопросов способно оказать серьезное действие только привлечение фактических примеров из области прошлой войны». Империалистическая война 1914—18 г., являвшаяся чудовищной борьбой между сильнейшими хищниками мира, сопровождалась мобилизацией всего человеческого материала, всех технических, хозяйственных и «идеологических» возможностей, какими только располагала буржуазия. Чем более хищнический характер имела эта война, чем более нуждалась она в мобилизации всего населения для своей мясорубки, тем большее значение приобретала работа по одурачиванию масс, тем настоятельнее становилась необходимость прикрыть разбойную борьбу иллюзиями «национальной обороны», «защиты отечества», «самоопределением наций» и т. д. Исход этой войны показал, что мудрость Наполеона I — «бог всегда на стороне более сильных батальонов» — в значительной степени уже устарела. Оказалось, что

империалистский бог неспособен собрать батальоны без самого активного участия банды обманщиков и лицемеров в его работе. Не будь той внезапности, с которой подготовляемая в течение ряда лет война обрушилась на народы; не имей буржуазное государство возможности усилить свой террористический аппарат до полного подавления масс; не будь «идеологической» подготовки войны удушливыми газами, социал-шовинистической, социал-соглашательской лжи,—и «сильные батальоны» восстали бы прежде всего против своей буржуазии». Самый исход мировой войны — разгром империй центральной Европы — не в последнюю очередь об'ясняется тем, что благодаря ряду об'ективных причин, англо-саксонскому империализму удалось добиться предварительной победы на дипломатическом театре войны. Историческая бездарность дипломатических усилий бряцавшего саблей Гогенцоллерна явилась одновременно и следствием и причиной дальнейшей изоляции Германии, облегчила Италии дезертирство с фронта тройственного союза и удобрила почву для жульнической игры «пацифиста» Вильсона. Поэтому перед вождями германской социал-демократии стояла задача сложнейшего предательства—подпереть фронт дипломатической лжи, который не в состоянии был удержать даже буржуазия. Вот чем об'ясняется тот факт, что из всех секций II Интернационала германская проявила наибольшую изобретательность и творчество в деле приспособления социал-демократической политики и тактики к нуждам генерального штаба. Но «и для героев есть невозможное»! Шейдеманам и Каутским, несмотря на все их усилия, не удалось прикрыть наготу своей буржуазии. Правда, в течение известного времени «вожди» удерживали под властью шовинистического дурмана трудящиеся массы, но все же им не удалось добиться того, чтобы германский империализм мог щеголять на международной арене в овечьей «оборонительной» шкуре.

Фактические примеры из области прошлой войны могут осветить механику будущей войны, подготовка которой сейчас систематически и настойчиво ведется во всех буржуазных столицах. Но при этом надо, разумеется, не упускать из виду, что история не повторяется, что ближайшая война по

своему классовому содержанию будет принципиально отличаться от «спора империалистских хищников между собой». Надвигающаяся война явится и уже является вооруженным нападением более или менее широкой группировки империалистских государств на советскую революцию во всех ее формах.

Мировой империализм уже ведет провокационную интервенцию и палаческую войну против китайской революции; он уже производит перегруппировку сил, необходимую для осуществления безусловно принятого,—по крайней мере, частью империалистских правительств—плана нападения на Советский Союз. Необходимым условием для успешного разрешения этой задачи является разгром буржуазией рабочих организаций, распыление пролетариата, уничтожение его авангарда—коммунистических партий. Эта чисто классовая война загнивающего капитализма против рабочего класса и восстающих угнетенных народов требует и иной идеологической подготовки, чем война 1914—18 гг. Старые приманки—«защита отечества», «нашествие врага», «борьба с царизмом» (для одних), «борьба с прусским милитаризмом» (для других),—уже непригодны. Нужно мобилизовать все силы жульнической фантазии, чтобы изобрести новые пароли, способные придать «хотя бы законный вид или толк» подготовляемой контр-революционной войне. Но как ни будут разниться новые фальшивки от приманок 1914 г., они также будут стремиться к тому, чтобы создать иллюзию войны «оборонительной», «освободительной», «вынужденной»,—вынужденной не в том смысле, что у кучки миллиардеров-рабовладельцев земля горит под ногами, а якобы с точки зрения «охраны национального достоинства» и «защиты цивилизации». Чтобы оказаться на высоте этой небывалой по своему предательству задачи, социал-соглашательским вождям приходится в 1927 году проделать мошенническую работу, по сравнению с которой вся чудовищная махинация 1914 года может показаться детской забавой. От подлогов «кустаря-одиночки» Бисмарка, изготовившего повод к войне (эмскую депешу) за приятельским завтраком, через фабричное производство шовинистического дурмана 1914 г. к мировому тресту провокации, опирающемуся на такие

проверенные аппараты как Лига Наций и реформистские интернационалы! Длинный, достойный удивления путь! Но если техника производства лжи усовершенствовалась до неузнаваемости, то первичные элементарные приемы его остались почти неизменными. Подлог, которым «железный канцлер» обязан своей славой, штампуется сейчас в огромном масштабе, подается по конвейеру реформистских интернационалов, распространяется по радио буржуазной печатью и, как газ иприт, проникает во все поры общественной жизни, но по существу остается все тем же.

О необходимости для трудящихся классов «овладеть тайнами международной политики, наблюдать за дипломатическими проделками своих правительств» Маркс говорил еще при основании I Интернационала. Мировая война прибавила к дипломатическим проделкам правительств и жульнические проделки социал-соглашателей, не за страх, а за совесть обслуживавших эти правительства. Выросшая из империалистской войны пролетарская революция разрушила несколько тронов, разорила несколько разбойничьих гнезд, опрокинула не одну дипломатическую кухню. Октябрьская революция сделала явными все тайные договоры царского правительства. В Германии прокравшиеся после революции к власти социал-соглашатели пытались сберечь тайны вильгельмовского правительства; полностью, однако, удалось скрыть от глаз «непосвященных» лишь документы генерального штаба и контр-разведки, остающиеся до сих пор неопубликованными. Что же касается переписки министерства иностранных дел, украшенной заметками щеголяющего перед своими министрами прекрасной своей наготой Вильгельма, то она (не полностью) опубликована Каутским в 1919 году [1]). Не что иное, как дипломатическая необходимость, т.-е. желание выслужиться перед антантовским империализмом и доказать искренность своего раскаяния, заставила социал-соглашателей пожертвовать тайной своих буржуазных хозяев. Но показав оборотную сторону вильгельмовской политики, Каутский, отнюдь, разумеется, этого не желая, облегчил возможность проследить тесное и верное сотрудничество

---

[1]) Карл Каутский. „Как возникла мировая война". Вступительная статья М. Н. Покровского. Москва. 1924 г.

вождей с социал-демократами, еще до об'явления войны и до официального предательства 4 августа, с империалистскими заговорщиками. Наконец, и в тех странах, где короны еще уцелели на пустых головах, время и старческая хвастливая болтливость мемуаристов-сановников чут-чуть приоткрыли завесу. Этот материал плюс в свое время опубликованные торжественные заявления официальной социал-демократии, сопоставляемые с д е л а м и и ф а к т а м и, обнаруживают механику дипломатического обмана и фабрикацию лозунгов, под которыми буржуазия гонит обманутые народы на мертвое поле войны.

РАССТАНОВКА СИЛ ДЛЯ ВОЙНЫ

К мировой войне 1914—18 гг. буржуазные правительства и партии подготовлялись в течение десятилетия. Начало тайных союзов и договоров между империалистскими странами, направленных на то, чтобы захватить господство над миром за счет других империалистских группировок, и предопределивших войну 1914 года, относится к началу XX века, т.-е. к тому моменту, когда капитализм вступил в империалистскую стадию. Буржуазные государственные деятели и социал-демократические болтуны, стремясь внушить массам, что война 1914 года разразилась «случайно», что она возникла «внезапно», что ее нельзя было предвидеть, об'ясняли ее возникновение фактами, относящимися к последнему периоду накануне войны. Но сами-то они, конечно, прекрасно знали, что корни бойни 1914 года уходят глубоко, что они лежат в непримиримом противоречии между империалистскими странами, в первую очередь между господствующим старым английским и борющимся за господство восходящим германским империализмом. Даже Вильгельм II в минуту отчаяния, когда с него, под влиянием сообщения о неминуемости вступления Англии в войну, соскочила самоуверенная дурь, воскликнул:

> «... Политика Англии продолжалась и систематически укреплялась тайными переговорами ее с Парижем и Петербургом. Теперь она доведена, наконец, до своего завершения и осуществлена Георгом V... Грандиозная

работа, достойная удивления даже со стороны того, кто из-за нее погибает. Эдуард VII и после своей смерти сильнее меня — еще живущего». («Высочайшая» пометка на донесении посла 30 июня 1914 года) [1].

Находящемуся еще на вершине своего могущества, но уже чувствующему надвигающуюся гибель Вильгельму мнится, что он задыхается в дружеских об'ятиях своего милого родственника Эдуарда VII, английского короля—изобретателя смокинга и основоположника англо-французского сближения. Монархам сам бог велел «персонифицировать» исторические события! В действительности же единоборство между Эдуардом и Вильгельмом, начало которого восходит к середине первого десятилетия XX века, означает не что иное, как решительную схватку между английским и германским империализмом, в этот момент уже предрешенную.

Но если империалистская война готовилась годами, то весной 1914 года соперники уже заняли позиции для боя. В мае 1914 года Англия окончательно определила свое участие и даже наметила начало предстоящей войны, заключив морское соглашение с церской Россией, согласно которому последней был обещан Англией вспомогательный транспорт для высадки войск в Пруссии до начала военных действий. Приводя текст этого соглашения, тов. Покровский [2]) указывает, что знаменует уже полную агонию английского нейтралитета. К этому же времени царская Россия, готовившая еще с 1912 года раздел Турции и захват Галиции, «оформила» свои союзные отношения с Францией до такой степени, что постройка русских стратегических дорог против Германии не только покрывалась французскими займами, но и производилась по прямым указаниям Жоффра. Германия, в техническом отношении лучше всех противников подготовленная к войне, должна была торопиться начать ее до того, как Франция, приступившая к реорганизации своей армии, отнимет у нее это превосходство. Лоскутная империя—Австрия,—

[1]) Все заметки Вильгельма приводятся по книге Каутского „Как возникла мировая война".

[2]) К. Каутский. „Как возникла мировая война". Вступительная статья М. Покровского.

только что ограбившая Боснию и Герцеговину, сознавала, что она может обезвредить «реваншные» стремления Сербии, только разгромив эту ставленницу России на Балканах. Грязный кровавый узел империалистских интересов завязался так туго, что разрубить его надо было сейчас же. Вспоминая в эмиграции это счастливое времячко, царский министр Сухомлинов писал:

> «Раздавить Германию было лозунгом, который определял всю деятельность наших (русской и французской) армий, но момент для разрешения этой задачи определяли не солдаты, а дипломаты».

Определение момента войны на языке дипломатов и называется «работой над сохранением мира». Поэтому смешными, рассчитанными на дураков, являются утверждения вильгельмовского министра Карла Гельфериха [1]) о том, что к середине 1914 года почти уже были подписаны соглашения между Германией и Францией о турецких железных дорогах и между Германией и Англией о совместном ограблении Азиатской Турции. «Почти» и «чуть-чуть» в дипломатической игре не считается! Германия вела в это время переговоры с Францией, чтобы обмануть ее бдительность, а с Англией, чтобы склонить ее к нейтралитету в предрешенной войне.

В работе дипломатии «над сохранением мира», т.-е. над определением момента войны, видную роль сыграла сербская охранка. Начальник осведомительного отделения сербского генерального штаба Дмитриевич решает, что в «интересах мира» надо убить наследника австрийского престола Франца-Фердинанда, приехавшего на маневры в столицу Боснии и Герцеговины—Сараево. 28 июня 1914 года сербский гимназист совершает убийство, следы от которого явно ведут через белградскую охранку к русскому посольству. Сигнал дан. С этого дня уже не только факт предстоящей войны, но и срок его предрешен. Через три недели после убийства (23 июля) австрийское правительство пред'являет Сербии знаменитый ультиматум, составленный с таким расчетом, чтобы принятие его было невозможно, а следовательно,

---

[1]) Карл Гельферих. „Накануне мировой войны", Пер. с нем. 1924 г.

чтобы опасность предотвращения войны исключалась. С этого момента до официального начала русско-германской войны тактика германской дипломатии и вся предвоенная агитация германской социал-демократии была построена на лживом утверждении, будто германскому правительству не было известно содержание австрийского ультиматума до его пред'явления. Эта ложь потому занимает в течение целого периода центральное место в дипломатической и социал-демократической игре, что без нее даже у самого бесстыдного лицемера не может повернуться язык для разговоров об «оборонительной» позиции Германии. Спекулируя на этой лжи, германская дипломатия тешит себя надеждой втянуть Италию в войну и обеспечить себе нейтралитет Англии. Участие в этом обмане дало социал-демократии возможность еще до 4 августа целиком и полностью поддерживать военную политику правительства, делая в то же время вид, что она борется против войны. Даже после войны, когда эту комедию казалось бы можно было считать уже сыгранной, Гельферих в своей «об'ективной» истории цепляется за эту ложь, понимая, что она — гвоздь всей той системы подлогов, которая погнала германский народ на войну.

> «... После получения текста ультиматума, — пишет Гельферих, — германское правительство сочло необходимым установить как перед общественным мнением страны, так и перед правительством великих держав, что оно не было причастно к составлению ультиматума и не имело до того никаких сведений об отдельных подробностях его. Несмотря на это, возникло обвинение, что оно несет ответственность за его резкость, исключающую всякую возможность мирного исхода [1]).

Каково же было положение в действительности? Сейчас же после выстрела берлинское правительство впадает в неистовство. Вильгельм и его министры охвачены тревогой: они не доверяют австрийскому правительству. Чего они боятся? Того ли, что престарелый деспот, свободный даже

[1]) Карл Гельферих. „Накануне мировой войны". Стр. 116.

от тени парламентского «контроля» (парламент в это время в Австрии был распущен), охваченный и смертельным страхом за свою собственную особу и жаждой мести за убитого наследника, раздует пожар войны на Балканах и во всей Европе? Наоборот, Германия боится другого: как бы венские правители не прозевали удобного момента, как бы они не пред'явили Сербии слишком мягких требований, как бы не упустили такой выигрышный предлог, как «защита августейшей особы». Существуют несомненные доказательства тому, что германской дипломатии был известен текст ультиматума до его пред'явления. Но дело даже не в этом. Дело в том, что в течение всего этого времени германское правительство тайком не переставало требовать от австрийского непримиримости, не переставало втравливать его в войну, стремясь в то же время открыто уверять «третьих лиц» в своем миролюбии. Разумеется, никого из своих империалистских партнеров Германия не обманула этой игрой по той простой причине, что и те в свою очередь играли, да еще более искусно, крапленными картами. Обмануло оно—и то исключительно благодаря верной и преданной поддержке вождей социал-демократии — трудящиеся массы Германии, которые, демонстрируя на улицах Берлина, не подозревали, что выставленные вождями лозунги были построены либо на обмане, либо на самообмане.

Продолжая в течение первой половины июля свою увеселительную морскую прогулку (кайзер веселится!—нужны ли еще доказательства, что Германия о военном конфликте и не помышляет?), Вильгельм не перестает накручивать хвост военной партии Австро-Венгрии. 10 июля он получает от своего посланника в Вене Чиршкого сообщение, в котором говорится, что Бертхольд (премьер Австрии) «ломает себе голову над тем, какие можно было бы еще поставить Сербии требования, приемлемость которых была бы совершенно исключена». На этом докладе Вильгельм делает следующую директивную пометку:

> «...Потребовать очистить Санджак (турецкий округ, захваченный Сербией), тогда свалка немедленно налицо. Санджак Австрия должна во что

бы то ни стало немедленно вернуть себе, чтобы помешать об'единению Сербии с Черногорией и доступу сербов к морю».

Мудрый совет, как добиться свалки, немедленно возымел свое действие. 14 июля Чиршкий имеет уже возможность донести: «нота будет так средактирована, что Сербия почти наверняка не сможет ее принять». Вильгельм кладет на эту телеграмму одобрительную пометку:

«...Наконец-то имеешь дело с мужчиной».

Но австрийское правительство, головой которого Вильгельм так «самоотверженно» играет, все же хотело бы осуществить разбой с наименьшим для себя риском и откладывает пред'явление ультиматума до того момента, пока президент французской республики Пуанкарэ, наносивший в эти дни, с целью закрепления «сердечного союза» между Россией и Францией, визит Николаю, уедет из Петербурга. Узнав об этом, Вильгельм восклицает: «какая досада!»

Ультиматум, отрезывающий Австро-Венгрии всякий путь к отступлению, наконец, пред'явлен (23 июля). Сербия в первый день изображает некоторую растерянность и готовность подчиниться. Вильгельм в восторге:

«Каким дутым оказывается все это так называемое сербское великодержавие. Так обстоит дело со всеми славянскими государствами. Только бы посильнее наступать на мозоли этой сволочи».

А сообщение о том, что Австрия, по заявлению Бертхольда, не потребует сербской территории, Вильгельм «собственноручно» помечает:

«Осел! Санджак она должна вернуть себе!»

Таковы немногие из тех фактов, которые характеризуют «миролюбие» решений, принимавшихся в этот период в разбойничьем вертепе Вильгельма. Но в каком же виде эти решения подносились так называемому общественному мнению? Официально, как уже отмечалось, германское правительство открещивалось от всякой причастности к ультиматуму. Но этого мало. Стремясь еще больше подчеркнуть «беспристрастную» позицию в австро-сербском конфликте, оно поручало печати умышленно занять мягкую, подчеркнуто уступчивую позицию по отношению к Сербии. Такая статья

появилась в официозе «Норд Дейтше» в самом разгаре конфликта. Но, разумеется, тут же принимались меры предосторожности, чтобы венские головотяпы не приняли как-нибудь всерьез умеренный тон германского официоза. И вот германский канцлер пишет венскому посланнику:

> «Норд Дейтше» поместит завтра заметки по поводу австро-сербского спора, которые, считаясь с европейской дипломатией, средактированы умышленно мягко. Этот высоко официозный орган не должен преждевременно бить тревогу. Прошу позаботиться о том, чтобы молчание «Норд Дейтше» не было ложно истолковано в том смысле, будто Германия менее решительно настроена, чем Австрия».

Но и австрийское правительство, в свою очередь, отнюдь не было лыком шито: как ни глупо было оно, но такую простую премудрость, как лгать при посредстве официальных или инспирированных заявлений в официальной печати, оно постигло вполне. И Бертхольд в свою очередь пишет в Берлин об'яснение по поводу умеренного тона австро-венгерской печати:

> «Проволочкой (с вручением ультиматума), которая неприятна и нам, нетрудно об'яснить и поведение нашей официозной печати. Мы должны в данный момент, с одной стороны, воспрепятствовать охлаждению общественного мнения монархии, благосклонного к нашей политике. С другой стороны—не дать возникнуть у других держав мысли о посредничестве в случае более решительного тона нашей прессы».

Эта возможность для правительства командовать печатью, и не только официозной, но и «свободной», считалась Вильгельмом делом настолько само собой разумеющимся, что всякие сантименты по этой части вызывали у него чувство подлинного возмущения. Так, на письме своего посланника в Лондоне, который сообщил, что английское правительство, по словам Эдуарда Грея, «должно считаться с общественным мнением», Вильгельм сделал надпись, которая, вероятно, переживет его самого:

«Если правительство захочет, ему легко управлять и вертеть общественным мнением, ибо пресса беспрекословно подчиняется ему».

Вильгельм действительно «вертел». И не только буржуазной, но и социал-демократической прессой.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА МЕЖДУ ДИПЛОМАТАМИ И ВОЖДЯМИ С.-Д. В ГЕРМАНИИ

Предательство германской социал-демократии получило открытое формальное выражение 4 августа, когда ее парламентская фракция огласила декларацию о поддержке правительства войны и о предоставлении ему военных кредитов. Было бы, однако, ошибкой недооценивать той скрытой, но не менее существенной поддержки, которую оказывала официальная социал-демократия в Германии (а также и во Франции) правительству в период подготовки к войне. Социал-патриотизм слишком глубоко сросся с буржуазией, чтобы оставить ее без своей поддержки в критический момент вовлечения народов в войну. И если эта полоса предательства социал-демократии осталась недостаточно освещенной, то это об'ясняется тем, что, во-первых, факты открытого голосования за военные кредиты или вступления в коалиционное правительство войны заслонили собой период скрытого дипломатического предательства. Во-вторых, отчасти может быть и тем, что, благодаря отсутствию документов, рисующих то, что делалось в эти дни за кулисами официальной дипломатии, затушевывалось прямое и непосредственное влияние ее на всю политику социал-демократии. Между тем, с точки зрения фабрикации «приличных» предлогов для войны, дипломатическая деятельность социал-демократии предвоенного периода (столь пышно распускающаяся и сейчас, хотя и в иной обстановке) заслуживает рассмотрения.

Мы видели выше, что легенда об «оборонительном» характере войны поддерживалась германским правительством на основании лживого утверждения, что оно «неповинно» в ультиматуме Австрии. Эту же версию отстаивала и германская социал-демократия, кладя в основу своей борьбы за мир «обращение к германскому правительству

с предложением воздействовать на правительство Австрии». Но допускать возможность такого воздействия значило прежде всего скрывать от пролетариата подстрекающую, поджигающую, провоцирующую политику германского правительства в Вене.

В доказательство того, что «в дни, предшествовавшие окончательному решению, с.-д. партия звала рабочий класс бороться до последнего» и что измена ее начинается с 4 августа, обычно ссылаются на воззвание центрального комитета с.-д. партии от 25 июля [1]. Но что говорится в этом воззвании? [2]).

> «...Если мы осуждаем стремления великосербских националистов, то еще более решительного протеста заслуживает легкомысленная провокация войны со стороны австро-венгерского правительства... Сознательный пролетариат Германии настоятельно требует от германского правительства, чтобы оно употребило все влияние на австрийское правительство для сохранения мира и, если нельзя будет предотвратить позорную войну, чтобы оно воздержалось от всякого вмешательства в нее. Не должна быть принесена в жертву честолюбию австрийских властителей или империалистическим интересам наживы ни одна капля крови германского солдата... Мы не желаем войны. Долой войну! Да здравствует международное братство народов!» [3]).

Лозунг «долой войну» не должен, разумеется, никого ввести в заблуждение. Внезапность является основным

---

[1]) См. Пауль Фрелих. „К истории германской революции". Т. I. 1927 г. стр. 69.

Впрочем, тов. Фрелих повторяет здесь ошибочный взгляд Розы Люксембург, на основании того же документа не дооценившую предательскую политику официальных инстанций с.-д. партии до войны. (См. Роза Люксембург. „Кризис социал-демократии". Стр. 15 и след.).

[2]) Цитированные ниже с.-д. документы взяты из книги „Интернационал и мировая война". Материалы собраны Карлом Грумбахом. Есть русский перевод с предисловием тов. Зиновьева. ГИЗ. 1919 г.

[3]) „Интернационал и война", стр. 71.

условием для того, чтобы буржуазия могла успешно для себя обрушить войну на народ и потому, чем ближе к непоправимому моменту военной катастрофы, тем больше «работают» дипломаты и тем громче их социал-соглашательские подголоски кричали, кричат и будут кричать «против» войны. Не следует забывать, что в те же дни, когда германский ЦК «призывал к миру», профсоюзные бюрократы во всех странах в ответ на запрос, разосланный секретарем профсоюзного Интернационала, гнуснейшим социал-шовинистом Легиным, ответили решительными возгласами «против войны». При этом не кто иной, как председатель американской федерации труда, отборнейший империалист Гомперс, громче всех крикнул: «проклятие всем войнам!» [1]).

Значение цитированного воззвания германского ЦК заключается именно в том, что, симулируя борьбу с войной лицемерыми, ни к чему необязывающими возгласами, оно в то же время подкрепляло своим авторитетом версию, имевшую как раз в эти дни решающее для буржуазии значение, будто военный конфликт вызван «честолюбием австрийских властителей, и будто влияние германского правительства может «сохранить мир и предотвратить позорную войну». Если бы социал-демократический ЦК хотел бы сказать то, что есть, а не обрабатывать общественное мнение по буржуазной шпаргалке, он должен был бы сказать, что «германские властители» ничуть не меньше, а может быть и еще больше австро-венгерских провоцируют войну и готовят ее. Но если бы 25 июля ЦК признал бы эту простую, очевидную истину, то тем самым была бы убита в зародыше отравленная ложь об «оборонительной» войне, тем самым была бы предотвращена возможность голосования за военные кредиты и установления гражданского мира под предлогом «обороны от нашествия врага». Поэтому та «борьба», которую германский ЦК вел будто бы против войны, была вреднейшей и опаснейшей иллюзией: она шла на руку буржуазной военщине и предопределила всю цепь последующих предательств [2]).

---

[1]) „Интернационал и война“, стр. 55.

[2]) Так, и только так хотят сейчас реформистские вожди вести борьбу против военного нападения на СССР. Прикрываясь лозунгом „до-

Тон, данный в воззвании Центрального Комитета 25 июля, подхватывается партийной печатью. Везде варьируется легенда о «дурном» правительстве Австро-Венгрии и о «добродетельном» правительстве Германии. Лишь раз «Форвертс» позволил себе неосторожно проговориться (ведь вожди-то прекрасно знали, где зарыта собака!), что «г. Бетман-Гельвег (германский рейхсканцлер) несомненно обещал г. Бертхольду свою поддержку с тыла (статья «Ультиматум», № от 25 июля). Но уже завтра спешит исправить эту ошибку», чтобы никогда больше ее не повторить. В статье «Пролог войны», напечатанной 26 июля, говорится:

> «...В свое утешение свободолюбивое население и немецкий рабочий класс могут видеть, что как австрийское, так и германское правительство демонстративно заявляют, что Австрия предприняла соответственные шаги на свой страх и риск. Германский пролетариат будет настаивать на том, чтобы Германия со всей решительностью отклоняла просьбы Австрии выручить ее из беды, которую она навлекла на себя сама, без соглашения с германским правительством, действовавшим в этом случае в молчаливом согласии с немецким народом» [1]).

Картина, таким образом, ясна: Вильгельм предписывает австрийской военщине посильнее «наступить на мозоль этой сволочи». Бронированный сапог австрийского империализма наступает на Сербию. Германский официоз «Норд Дейтше» берет для приличия, т. е. в целях жульничества, «мягкие» тона по отношению к Сербии. А социал-демократическая печать берет тона еще «мягче» и поощряет Вильгельма, «действующего в молчаливом согласии с немецким народом». Цепь замкнута. Под дымовой завесой этой социал-дипломатической лжи совершается заговор против германского

лой войну", они поддерживают те лживые буржуазные версии и софизмы из которых в момент нападения сразу „вылупится" оправдание войны против СССР. Задача коммунистических партий в том и состоит, чтобы заблаговременно, пока не поздно, об'яснять массам этот обман с.-д. головки

[1]) „Интернационал и война", стр. 72.

народа. Первая позиция Вильгельма укреплена. Он смело может сделать следующий шаг: «Сволочь», на которую он теперь уже может смело наступать ногой, растет: она включает в себе в первую очередь германский народ.

Да, у Вильгельма есть все основания утверждать, что «правительство, если захочет, может легко вертеть общественным мнением, ибо печать беспрекословно покорна ему».

На фоне той красочной (и вполне заслуженной) ругани, которую Вильгельм, мысля вслух, расточал по адресу своих коронованных друзей и врагов, особенно бросается в глаза его сдержанное отношение к социал-демократам. Ведь социал-демократия как будто ведет антивоенную кампанию, призывает к демонстрациям за мир и против войны, обрушивается резкими обвинениями по адресу австро-венгерской военщины, а кайзер столь чувствительный к чести своих союзников, что называется, и в ус себе не дует. В чем секрет? Только раз «выразился» Вильгельм в своих «заметках» по адресу социал-демократии. Но характер этого окрика, а главное, последствия его, еще резче подчеркивают, какое согласованное разделение труда существовало между германским правительством и социал-демократией. Но по вине социал-домократии эта гармония нарушилась; восстановлена же она на завтра же после окрика, исключительно благодаря той ловкости, с которой с.-д. инстанции ловили волю хозяина.

Гнев Вильгельма, вызванный бестолковым усердием с.-д. слуг, разразился 29 июля. На прочитанной им дипломатической телеграмме от весьма высокопоставленного лица он неожиданно, как будто ни к селу ни к городу, делает следующую приписку:

> «Соци (так юнкера пренебрежительно называют социалистов) ведут на улицах антимилитаристскую пропаганду. Этого не следует допускать вообще, а в настоящий момент тем более. (Подчеркнуто в подлиннике). Если это повторится, я об'явлю осадное положение и прикажу арестовать всех без исключения вожаков... Мы не можем в настоящий момент больше терпеть никакой социалистической пропаганды».

Что это был за «настоящий момент»? И какое высокопоставленное лицо так живо напомнило Вильгельму об «антимилитаристской» пропаганде социалистов, к которой он до сих пор в течение ряда дней относился по меньшей мере терпимо и которую он через день молчаливо признал вполне соответствующей своим планам? Документ этот был не что иное как собственноручное письмо Ники к Вилли, т.-е. самодура Николая Романова к самодуру Вильгельму Гогенцоллерну. Письмо Ники показало Вильгельму, что Франции и Англии уже удалось втравить Россию в войну и что взять Николая «на испуг» ему, Вильгельму, не удастся.

> «Я предвижу,— писал Ники,— что очень скоро должен буду уступить давлению, оказываемому на меня, в результате чего я вынужден буду предпринять серьезные шаги, которые приведут к войне».

Предложение, с которым царская дипломатия устами своего верховного шефа обращалась к германскому правительству, с виду было как будто совершенно безобидно.

> «...В попытке предотвратить такое несчастье, как европейская война, я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все возможное, чтобы помешать твоему союзнику (Австрии) зайти слишком далеко».

Но под этой любезностью таилась змея. Любезность означала, что дипломатия союзников воспользовалась Николаем Романовым, чтобы поставить Германию перед необходимостью обнаружить свою роль подстрекательницы Австрии и тем сдать свою версию об оборонительной войне. Как известно, именно в этом пункте наиболее ловкая, выдержанная и искусная англо-французская дипломатия и нанесла решающее дипломатическое поражение Германии.

На царской телеграмме, рядом с окриком по адресу социал-демократии, Вильгельм пишет:

> «...это есть попытка взвалить ответственность на меня. Телеграмма содержит в себе скрытую угрозу и просьбу, похожую на приказ—одернуть союзника».

Приказы одернуть союзников посыпались как раз в этот день на германское правительство со всех сторон. «Реши-

тельный день,—пишет Покровский,—наступил 29-го. В этот день война висела на волоске, разумеется, постольку, поскольку дело шло о моменте». Война повисла, потому что в этот день и Англия раскрыла карты, потребовав от Вильгельма посредничества в Вене, что тоже равносильно было требованию «одернуть союзника». Донесения германского посланника в Лондоне Лихновского от 29-го не оставляли в этом никакого сомнения. Приводим наиболее характерные места этих донесений; соответствующие пометки Вильгельма отмечены скобками.

> «Сэр Эдуард Грей только что снова пригласил меня к себе. Министр был совершенно спокоен, но очень серьезен и встретил меня словами, что положение все более обостряется. (Н а г л е й ш и й и н е с л ы х а н н е й ш и й о б р а з е ц а н г л и й с к о г о ф а р и с е й с т в а, к о т о р ы й я к о г д а-л и б о в и д е л! С т а к и м и м е р з а в ц а м и я н и к о г д а н е з а к л ю ч у д о г о в о р а о ф л о т е. Вильгельм).
>
> «...Посредничество он считает в данный момент настоятельно необходимым, если не хотят вызвать европейской катастрофы. (Е с л и б ы в м е с т о п о с р е д н и ч е с т в а б ы л о б ы п р о и з н е с е н о х о т ь о д н о в н у ш и т е л ь н н о е с л о в о в П е т е р б у р г е и П а р и ж е, ч т о А н г л и я и м н е п о м о ж е т, т о э т о т о т ч а с ж е с о з д а л о б ы с п о к о й н о е п о л о ж е н и е. В).
>
> «...Британское правительство желает поддерживать и впредь существующую с нами дружбу и оставаться в стороне до тех пор, пока конфликт ограничивается Австрией и Россией. (Э т о з н а ч и т, ч т о м ы д о л ж н ы о с т а в и т ь А в с т р и ю. Н е с л ы х а н н а я п о ш л о с т ь и д ь я в о л ь с к о е ф а р и с е й с т в о: э т о ч и с т о п о - а н г л и й с к и. В.).
>
> «Но если бы Германия, Франция были вовлечены в войну, то... дело сейчас же приняло бы иной оборот, и британское правительство сочло бы себя, пожалуй, вынужденным принять спешные решения. (У ж е п р и н я т ы. В).

«В этом случае нельзя было бы долго оставаться в стороне и выжидать. (Т.-е. они нападут на нас. В.).

Таким образом к 29-му дипломатическая игра вступила в стадию, когда от германского правительства дипломатия Антанты требовала посредничества, угрожая в противном случае с места в карьер об'явить его единственным виновником войны. Парируя этот удар, Германия вынуждена была симулировать «посреднические усилия в Вене с целью склонить Австрию к умеренности». Это был почти безнадежный маневр, потому что, как показывают пометки Вильгельма, для него уже была ясна невозможность добиться нейтралитета Англии. Вместе с тем это был очень рискованный маневр, потому что посредничество могло быть принято Веной всерьез и понизить там военный азарт, который теперь Германии был нужен еще в большей степени, чем раньше. Германское правительство посылает директивы в Вену и тут же берет их обратно. Так, в знаменитой телеграмме № 200 германского правительства на имя посланника в Вене говорится:

«...Его величество (т.-е. Вильгельм) взял на себя по просьбе царя посредничество в Вене. Он не мог его отклонить, не желая вызвать явного подозрения, что мы хотим войны... Мы уже втянуты в войну, между тем как Россия остается совершенно свободной от вины. Это создает для нас совершенно невозможное положение в глазах собственной нации. Немедленно самым решительным образом поговорите об этом с Бертхольдом» и т. д.

Эта телеграмма, которая могла бы означать, что Германия действительно хочет задержать наскок Австрии (не в интересах сохранения мира,—об этом речи быть не могло,—а с целью взваливания ответственности за войну на Россию), была, однако, отменена последующей телеграммой. Отмена мотивировалась «настойчивым требованием генерального штаба иметь немедленную и конкретную информацию об австрийских решениях». Военные операции Австрии не только не должны приостанавливаться, но «в виду

военных приготовлений наших соседей на востоке» должны развиваться еще энергичнее. Это посредническое жульничество (Каутский даже в состоянии «раскаяния» и отмежевывания от вильгельмовской политики почему-то называет его «последними попытками спасти мир») не могло не вызвать известного замешательства в Вене, несмотря на отмену телеграммы № 200. Лишь 31-го Бертхольд сделал сообщение, из которого видно, что австрийское правительство после некоторого пристрела попало в настоящую точку.

> «... Его величество (австрийский император), — заявил граф Бертхольд в совете министров, — санкционировал предложение о том, чтобы венский кабинет тщательно избегал принять английское предложение по существу, однако, проявил предупредительность в форме своего ответа и, таким образом, пошел навстречу желанию Германии не озадачивать английское правительство».

Вот в начале какой головоломной игры Вильгельм разгневался на бедных, ни в чем неповинных социалистов! Неповинных потому, что, не зная о новом маневре, они вполне добросовестно продолжали по старой граммофонной пластинке твердить о том, что Германия не имела отношения к австрийскому ультиматуму, и «требовать», чтобы германское правительство «употребило все свое влияние на Вену для сохранения мира». Это «требование» до 29-го соответствовало планам германской военщины, так как поддерживало лживую версию о ее мирной политике, но оно стало «бестактным» и «дерзким» 29-го, с того момента, когда Германии под давлением союзной дипломатии пришлось действительно выступить в посреднической роли по отношению к Австрии. Нехватало только, чтобы «общественное мнение» «заподозрило» Вильгельма в том, что он одергивает своего союзника под давлением социал-демократических демонстраций! Не хватало только, чтобы социал-демократические Иванушки-дурачки, пляшущие на похоронах, придали своей демагогической агитацией правительственному посредничеству серьезный характер! Поэтому-то и вильгельмовский окрик по адресу «соци» очутился на таком высокопоставленном документе, как личная переписка между

двумя «божьей милостью» царствующими кузенами — Ники и Вилли.

Каковы же были последствия этого окрика? Прежде всего то, что официоз социал-демократии немедленно поспешил особенно усердно расписаться в верности и преданности миролюбцу Вильгельму и предупредительно снять с него ответственность за возможную неудачу исхода посредничества.

> «...Будучи открыто принципиальными противниками монархии и оставаясь такими на будущее время, ведя часто ожесточенную войну против темпераментного носителя короны, мы, тем не менее, откровенно признаем и теперь не в первый раз, что Вильгельм II своим поведением за последние годы показал себя искренним другом сохранения мира. Если бы окончательное решение участи многих миллионов людей в духе гуманности и разума было всеобще предоставлено человеческому уму и совести, то опасения за существующее положение не были бы слишком велики. Однако, даже самый сильный в своих действиях человек не свободен от влияний» [1]).

Можно ли себе представить более расчетливое предательство, чем эта предусмотрительная услуга, оказываемая вождями социал-демократии монархии в щекотливый момент? Зная, где Вильгельму II не миновать упасть, социал-демократы спешат заранее на соответствующем месте «соломку ему подстелить». Уже осведомленный о посреднической игре и о ее неизбежном исходе, социал-демократический официоз берет личность «темпераментного носителя короны» под свое авторитетное покровительство, заранее сваливая ответственность на какую-то отдельно и против Вильгельма стоящую «военную партию», от влияния которой «не может быть свободен самый сильный человек». Реформистские вожди уже на все сто процентов уверены, что катастрофа войны вот-вот разразится. Подготовить сознание масс к предстоящей тяжелой, требующей величайших жертв

1) „Форвертс", № от 30 июля 1914 г. „Перед катастрофой".

борьбе с войной,—об этом вожди думают меньше всего. Для них важно сохранить за Вильгельмом II репутацию «искреннего друга мира».

Нет, предательство 4 августа не было громом с безоблачного неба. Оно было тщательно подготовлено и систематически проводилось за много времени до голосования кредитов, в форме ближайшего сотрудничества между буржуазной дипломатией и социал-демократической головкой. Мог ли какой бы то ни было «темперамент» устоять против такой лакейской угодливости? И действительно, Вильгельм быстро перелагает гнев на милость. «Соци» выдержали экзамен: 29-го монарх угрожал им еще поголовной кутузкой, 31-го он заявляет: «Я не знаю больше партий, я знаю только немцев».

Нет, чудес не бывает: 4 августа вырастало с роковой неизбежностью из всего оппортунистического прошлого германской социал-демократии. Уже в первый период дипломатической подготовки этот оппортунизм дал уже не только яркие цветки, но и первые черные ягодки; особенно же пышно он распустился, когда после разрыва Вилли с Ники у реформистских вождей появилась такая сильная приманка для масс, как борьба с царизмом. Все старые «промежуточные» поводы могли быть без всякого ущерба отставлены. Не надо было уже цепляться за непричастность Германии к ультиматуму, ни нажимать на такое чувствительное место, как «миролюбие» монарха. Появилась неограниченная возможность передержками, подлогами и фальсификацией эксплоатировать законную ненависть германского рабочего к царскому самодержавию. С этой эксплоатацией мы еще встретимся в дальнейшем изложении.

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ В ПЕТЕРБУРГЕ

Роль задиралы, заранее осужденного на несение главных тягостей и последствий войны, играла в группировке центральных держав австро-венгерская деспотия. Та же роль в группировке союзников была отведена царской России. И Австрия и Россия первые ввязывались в войну, когда руки их союзников еще оставались свободными. И в Австрии и в России дипломатия действовала упрощенными, примитив-

ными способами, не оглядываясь на общественное мнение, ни в какой степени не озабоченное привлечением его на свою сторону, связывая все расчеты исключительно с подавлением и откровенным терроризированием населения. Вот почему и в России, как и в Австро-Венгрии, роль меньшевизма в дипломатической подготовке войны была незначительна. И там и здесь верноподданным социал-демократам пришлось сказать очень немногое по той простой причине, что им вообще пискнуть не пришлось. Тот же решительный голос рабочих масс, который прокатился по улицам Петербурга накануне об'явления войны, во время пребывания Пуанкарэ, был голосом сознательной классовой борьбы, направленным против царского правительства и буржуазного строя. Рабочие массы, ведшие забастовки и строившие баррикады в июле в Петербурге, находились под идейным руководством большевизма, ведшего как в период подготовки, так и во время войны, в парламентской, а еще больше во внепарламентской работе, революционную борьбу против империалистской войны и за превращение ее в войну гражданскую. С этой борьбой ни социал-шовинизм, ни социал-пацифизм не имели, разумеется, ничего общего. Австрийскую социал-демократию, так называемый австромарксизм, сам бог, т.-е. абсолютизм Франца-Иосифа, уберег от более или менее яркого участия в дипломатической подготовке войны. То же самое следует сказать и относительно меньшевизма в России. Лишь после об'явления войны здесь и там оппортунистам была предоставлена роль погонщика масс на кровавую бойню. Может быть, поэтому участие социал-соглашателей Австрии и России в идеологической подготовке войны не представляет ничего нового по сравнению с работой германских и французских социал-соглашателей и пацифистов.

Уже после об'явления военного положения в Германии берлинский «Форвертс» лакейски хвастал благосклонным отношением к нему со стороны хозяина:

> «...Наш канцлер, как старый кавалерист, знает очень хорошо, что коню, который должен напрячь свои последние силы, нужно дать несколько больше свободы и ослабить уздечку, что и с немецким народом, кото-

рый теперь должен начать мировую войну против Франции и России, а может быть, и против Англии. В таком положении нельзя обращаться по рецепту юнкеров, т.-е. действовать с помощью шпор и плетки. Напротив, народ похлопывают ласково по спине и обращаются к нему с хорошим словом».

Царское самодержавие и австро-венгерский абсолютизм находились в таком положении, что для них «ослабление уздечки» равносильно было неминуемой катастрофе. С австрийским и русским социал-шовинизмом правительства разговаривали только языком «шпор и плетки». Это дало возможность социал-оппортунистам, оставаясь на все сто процентов оппортунистами, либо не голосовать за военные кредиты (как меньшевистская фракция государственной думы), либо совершенно избегнуть необходимости высказаться по этому щекотливому вопросу (как в Австрии, где парламент был распущен до военных событий). Война в Австрии и в России подготавливались исключительно сверху. Общественное мнение удостоилось «ласкового хлопка по спине» не раньше открытия военных действий.

Выше указывалось, что к весне 1914 г. все участники тройственного соглашения — Англия, Франция и Россия — уже были связаны в один клубок тайными военными соглашениями о разделе Турции, о разграблении Австро-Венгрии, о разгроме Германии и т. д. Тем не менее, после сараевского выстрела в Петербурге началась лихорадочная работа дипломатов над «сохранением мира», над «локализацией конфликта», над «ограничением числа его участников», т.-е. над подготовкой момента войны и официальных поводов к ней, над установлением той последовательности, с которой союзники будут влезать в кровавую западню. Зачем нужна была эта работа? Прежде всего потому, что если царская Россия плевала с высокого дерева на «общественное мнение», то партнеры ее, Франция, в особенности Англия, нуждались в очень тщательной отшлифовке предлогов и вымышленных поводов, «об'ясняющих» их вступление в войну. Во-вторых, потому, что, несмотря на писанные договоры, застрахованные и перестрахованные личными встречами и интимными беседами между повелителями союзных стран (весной 1914 г. английский ко-

роль Георг «посетил» президента Пуанкарэ и вскоре после этого Пуанкарэ «посетил» Николая Романова), все же между союзниками, как между участниками одной и той же разбойничьей шайки, существовало глубокое недоверие друг к другу и непрекращающаяся борьба аппетитов. Эта борьба внутри каждой группировки между отдельными империалистами не прекращалась в продолжение всей войны, тем более при ее подготовке и при заключении мира. Война 1914—1918 гг. показала таким образом, до чего непримиримы интересы между империалистическими странами, хотя бы стоящими перед лицом общей смертельной опасности. Но в то же время она еще раз подчеркнула, что как ни велика эта непримиримость, все же она не исключает в известный момент возможности и даже неизбежности совместных военных действий против общего врага, являющегося в данный момент наиболее опасным для всех союзников. Этот опыт должен быть учтен и теперь, как доказательство того, что борьба интересов и грызня в империалистическом лагере ни в коем случае не исключает возможности их совместного участия (хотя, может быть, и в различных ролях) в нападении на Советский Союз.

Особенно ненадежной среди держав Антанты считалась царская Россия, политика которой в каждый данный момент могла подвергнуться случайным колебаниям, в зависимости от капризов и вспышек то безудержной дерзости, то животной трусости выродженца-деспота. Самодержавный царь мог ринуться в войну без всяких поводов, не потратив и часа на возню с общественным мнением. В этом была его сильная сторона с точки зрения военных поджигателей Парижа и Лондона, нуждающихся в выигрыше времени для своих комбинаций. Но в этом заключалась и слабая, опасная сторона всех царских решений, потому что, имея сегодня возможность заявить деспотически «полюблю», он с такой же легкостью безнадежного банкрота, которому терять нечего, мог на завтра же заявить: «разлюблю». Опасность предательства со стороны царя была тем более велика, что влияние Вильгельма и его агентов на фаворитов и фавориток царя и на него самого достаточно было известно. Дипломатическая работа английского посла Бьюкенена и фран-

цузского—Палеолога заключалась поэтому в первую очередь в том, чтобы загнать царскую империю в кровавую бойню, разрушить у нее всякие мосты для отступления и лишь после этого самим открыто вступить в войну. Разжигать, подстрекать, провоцировать русскую дипломатию и военщину, которая и без того рвалась на выгодную поставщикам авантюру, и в то же время сохранять тон «миролюбцев», склоняющих Россию к «умеренности», — такова была задача англо-французской дипломатии в Петербурге до последнего момента. Эта система осложненной провокации сохраняет и сейчас свою силу в империалистском лагере по отношению к вассалам, потому что, хотя самодержец российский сметен, но дипломатия Георга V и Пуанкарэ продолжает командовать в Европе.

Австрийский ультиматум пред'явлен, и в Петербурге клюнуло: министр Сазонов торжествующе воскликнул: война! Об'явленная в тот же день царем мобилизация флота распространялась также и на Балтийское море, т. е. уже была направлена непосредственно против Германии. Французская дипломатия имела уже все основания считать, что первый шаг, который царю очень трудно будет взять обратно,— сделан. Палеолог уже зажимает все нити царской дипломатии в своем кулаке. Чем больше бесится Сазонов, тем легче Палеологу выступить в выгодной роли наставника, проповедующего «умеренность».

> «...Не забывайте, — говорит он Сазонову,—что мое правительство есть правительство общественного мнения, что оно может вам оказать существенную поддержку лишь при условии, что общественное мнение будет на его стороне. Наконец, подумайте об общественном мнении Англии».

Позиция Англии оставалась в течение ряда дней после ультиматума неуловимой. Она одновременно преследовала целый ряд будто противоположных целей: во-первых, намеками, но не обязывающими к определенным действиям и от которых в случае нужды можно отречься, толкать Россию и поощрять Францию на открытие военных действий; во-вторых, туманностью и неопределенностью этих намеков

сохранить такое положение, при котором Германия до последнего момента таила бы надежды на нейтралитет Англии и потому смелее лезла бы в драку; в-третьих, самой вступить последней в военный конфликт, дождавшись полного созревания такого благородного, т.-е. выгодного повода, под который пацифизм, сохраняя свою лицемерную принципиальность, не стал бы подкапываться. Поэтому, если Палеолог просто наставляет Сазонова, то Бьюкенен даже отчитывает его.

> «...Надо, — говорит он Сазонову, — предоставить германскому правительству всю ответственность и всю инициативу нападения. Английское общественное мнение допустит мысль об участии в войне только в том случае, если не будет сомнения, что нападающей стороной является Германия».

Под аккомпанемент фраз о приличии, о пользе «общественного мнения», о преимуществах оборонительной лжи, Франция и Англия в два кнута подгоняют царскую Россию, стремительно катящуюся в пропасть войны. Чем дальше, тем громче свистят эти кнуты. 25 июля Сазонов нетерпеливо не то спрашивает, не то умоляет английского посла:

> «...Если Россия будет уверена в помощи Франции, то она возьмет на себя весь риск войны».

26-го Палеолог, отвечая на этот вопрос, заявляет Сазонову:

> «...Теперь мы должны подумать о Лондоне. Я вас умоляю не предпринимать никаких военных мер на германском фронте и быть очень осторожным даже на австрийском, пока Германия не открыла своих карт. Малейшее неблагоразумие с вашей стороны нам может стоить поддержки Англии».

28-го Россия и Франция получают вещественное доказательство, что их «благоразумие» вознаграждается Англией: сконцентрированный в Портленде английский флот для маневров в Северном море остается под парами и готовится к

выходу в море. А уже 29-го Грей ведет интимную беседу с германским послом, которая вызывает у Вильгельма цитированную выше, вполне справедливую оценку: «Они нападут на нас!» Сигнал подан. Франция получает уверенность в военном выступлении Англии. Сазонов получает благословение Франции. Бешеная царская военщина срывается с цепи. В ночь на 30-ое Россия об'являет общую мобилизацию, направленную уже открыто против Германии. Об'явление этой мобилизации появляется на улицах с утра. Об этой мобилизации знают, разумеется, решительно все, и уже, конечно, английская дипломатия, которая во всех серьезных случаях знала раньше царя, что предстоит ему делать. Не знает об этом один только лорд Грей, которому нужно «в целях выдержанного классического характера» обороны, чтобы австрийская и германская мобилизация предшествовали российской. Ниже мы увидим, какой квалифицированнейший цинизм и какое упорное бесстыдство проявила английская дипломатия в отрицании твердо установленной даты русской мобилизации.

Всеобщая мобилизация в России означает войну с Германией. Напрасно Николай Романов, догадавшийся в последний момент, что он рискует не только своей короной, но и тем, что под ней, пытается отменить приказ о мобилизации. Англо-французская дипломатия не может, разумеется, позволить, чтобы царь, зажегший первым пожар войны, метнулся в кусты и предоставил союзникам самим расхлебывать кровавую кашу. Сазонов, Сухомлинов и вся окружающая их банда поставщиков и мародеров, уже почуявшая запах крови и военной наживы, приводят в движение все дворцовые силы, чтобы отогнать от царя терроризующий его грозный призрак Вильгельма. Царь отменяет отданный им приказ об отмене мобилизации. Народы России уже в пасти войны.

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ПРЕМИРУЮТ МИРОТВОРЦА ПУАНКАРЭ

Какие меры приняли французские социалисты, чтобы разоблачить ту провокационную роль, которую французское правительство играло в период подготовки к войне?

Тактика французской секции II Интернационала ничем принципиальным не отличалась от тактики германской секции. Подобно тому как германские социал-демократы свою кампанию за мир строили на лжи, будто германское правительство «удерживает» Вену, так и французские социалисты даже не допускали мысли, что французская буржуазия является не только союзницей, но и наводчицей для военной банды царя. Но так как англо-французская дипломатия действовала более искусно и более успешно, чем фельдфебельская дипломатия Вильгельма, то и французским социалистам легче было справиться с задачей одурачивания масс.

В манифесте Французской социалистической партии и комиссии профессиональных союзов, призывающем к демонстрациям 28 июня, говорится:

> «...Рабочим известно, что французское правительство в настоящую критическую минуту явно и искренне озабочено предупреждением или ослаблением опасности столкновения. Они требуют от него лишь принятия мер к тому, чтобы восторжествовал путь соглашения и посредничества. Они требуют от него воздействия на его союзницу—Россию в том смысле, чтобы она в защите славянских интересов не искала повода к агрессивному выступлению. Таким образом их стремления вполне согласуются со стремлением германских социалистов, требующих от германского правительства оказать влияние на свою союзницу Австрию с тем, чтобы она умерила свои требования» [1]).

Французская социалистическая партия таким образом выдает французским империалистам патент на миролюбие! Ссылка на германских социал-демократов заключает уже в зародыше ту взаимную амнистию, которую дали социал-соглашатели всех стран друг другу во время империалистской войны.

---

[1]) „Юманите", 28/VII—1914 г.

Эта амнистия была еще шире развернута на «интернациональном митинге против войны», происходившем в Брюсселе 29 июня. После речи Гаазе, развившего уже известную точку зрения германской социал-демократии на тему «Австрия одна виновна в войне», с громовой, но отравленной иллюзиями французской дипломатии речью выступил Жорес:

> «Для нас, французских социалистов, наши обязанности просты: *нам не нужно побуждать наше правительство к политике мира. Оно осуществляет ее.* Я, который никогда не колебался навлечь на свою голову ненависть наших шовинистов своим постоянным стремлением к франко-германскому сближению, имею право сказать, что в настоящий момент *французское правительство желает мира и работает над его сохранением. Французское правительство является лучшим союзником мира и союзником того, достойного удивления английского правительства, которое приняло на себя инициативу посредничества.* Следует лишь дать России советы благоразумия и терпения...»

> «Такова наша обязанность, и выражая ее, мы находимся в согласии с германскими товарищами, которые требуют от своего правительства оказания давления на Австрию с тем, чтобы та умерила свои действия. Может быть, что телеграмма, о которой я вам только что говорил (телеграмма о том, что Австрия обещала не аннексировать Сербию), является отчасти следствием такой воли германского пролетариата. *Даже августейший повелитель не может итти против воли четырех миллионов просвещенных граждан.* Вот почему мы можем утверждать, что уже имеется *социалистическая дипломатия*, которая проявит себя и которая не стремится ни разрывать сердце, ни смущать совесть».

Какое жуткое, угнетающее впечатление производят эти слова Жореса о «социалистической дипломатии», если вспомнить весь последующий ход событий, постыдный крах II Интернационала, трагическую смерть, караулившую уже в этот час Жореса! Какую роковую беспомощность он обнаружил в самом подходе к вопросу о борьбе с войной. Только растерянностью и плохой осведомленностью, связанной с первыми днями об'явления войны, только фактом гибели самого Жореса от руки черносотенного убийцы, мстившего ему за пацифистскую агитацию, можно об'яснить то обстоятельство, что истинное значение этой речи мало кем было оценено по достоинству. Даже Роза Люксембург, желая еще сильнее подчеркнуть всю глубину падения официальной социал-демократии Германии, писала об этой речи Жореса:

> «Во Франции сейчас все честно и прямо, безоговорочно и открыто за мир», свидетельствовал Жорес накануне войны в своей последней речи в Брюссельском народном доме. Этот факт совершенно правилен и делает совершенно понятным то негодование, которым разразились французские социалисты, когда их отечеству была навязана преступная война» («Кризис социализма», стр. 80).

И хотя дальше тов. Люксембург указывает, что «для об'яснения мировой войны как исторического явления и для определения отношения к ней пролетарской политики этот факт недостаточен»,— все же внутренняя связь между всей аргументацией Жореса и версией французского империализма отмечена ею недостаточно.

Ибо роковое значение тех иллюзий, которые вместе с германскими социал-демократами сеял Жорес, заключалось именно в том, что ф а к т ы, из которых он исходил, были неверны, подсказаны буржуазной дипломатией и повторяемы, в лучшем случае, бессознательно, вождями II Интернационала. Неверно было, что Франция Пуанкарэ не хотела империалистской войны. Верно было обратное, что она всячески подготавливалась к предстоящей разбойной схватке, заручившись своевременно громадным резервуаром пушечного мяса из России. Столь же вопиющей неправдой было утверждение, будто французское правительство, хотя бы в июле 1914 г.,

«являлось лучшим союзником мира... и давало России советы благоразумия и терпения». Правда заключалась в обратном, ибо как раз в это время французская дипломатия в Петербурге особенно решительно поддерживала самую авантюристическую, самую разбойную придворную клику, предупреждая всякие качания царя в сторону уступчивости германскому империализму. Неверно было, что Австрия, уступая «посредническому влиянию Германии», согласилась отказаться от своих планов разгрома Сербии, как неверно было и то, что это посредничество было вызвано демонстрациями берлинских рабочих, проходившими под лозунгами социал-демократии. Верно было обратное: приведенные выше документы не оставляют сомнений, что венский кабинет, приняв посредничество по форме («чтобы не озадачивать Англию»), заранее решил, сговорившись с Берлином, не принимать этого посредничества по существу; что же касается отношений между «августейшим повелителем» и реформистскими вождями в дни демонстрации, то они характеризуются, с одной стороны, торжественным заявлением «Форверста», что «Вильгельм показал себя искренним другом сохранения мира», а с другой—«похлопыванием», то «ласковым» то грубым (угроза осадным положением и кутузкой!), старого кавалериста по спине социал-демократии. Увы! «Социалистическая дипломатия» свелась, таким образом, к тому, что и германские и французские социалисты выдавали своим правительствам патент на миролюбие в предсмертный час войны и внушали массам те лживые версии, которые изготавливались в тайниках дипломатических канцелярий для психологической подготовки войны. В это дело сотрудничества с империалистской дипломатией вожди, в качестве пая, вкладывают весь капитал авторитета, нажитый II Интернационалом. Жорес ссылается на «заслуженную им ненависть шовинистов», а ЦК германской с.-д. «на свою ожесточенную войну против темпераментного носителя короны». «Социалистическая дипломатия» II Интернационала является, таким образом, пока что лишь рупором империалистской буржуазии.

Эти же софизмы официальной дипломатии повторяются в резолюции, принятой на заседании (последнем!) бюро

II Интернационала, происходившем в это время в Брюсселе:

> «Немецкие и французские пролетарии окажут на их правительства более энергичное чем когда-либо давление с тем, чтобы Германия воздействовала на Австрию умеряющим образом, и чтобы Франция получила от России обещание не вмешиваться в этот конфликт» [1]).

Этот же вывод всячески варьировался и подчеркивался во всей «антивоенной» агитации французских социалистов. Под этими же лозунгами был использован социалистическими вождями для ура-патриотической манифестации самый факт гибели Жореса.

Как же «регулировалось» это сотрудничество между социалистами и дипломатией Франции в деле подготовки общественного мнения к войне? Мы видели, что в Германии, несмотря на мир и лад, поддерживавшийся все время между правительством и реформистами, были все же отдельные моменты недоразумений и ревности (однако, не по вине с.-д.). То же самое происходило и во Франции. Назначенный Генеральной Конфедерацией Труда на 29 июля митинг был в последнюю минуту разраженно запрещен правительством с указанием, что «правительство не находит возможным при теперешних обстоятельствах допустить такое собрание, в котором, если судить по программе, ораторы будут обсуждать способы воспрепятствования мобилизации». На этот запрет французские вожди ответили подобно германским: угодливостью побитой собачонки.

> «В последнюю минуту, — говорится в воззвании Генеральной Конфедерации Труда,—мы узнали, что правительство запретило наши митинги. Чего оно боится? Опасается ли оно нашей пацифистской демонстрации? Однако, заявление правительства о его присоединении к сделанному Англией похвальному предложению о посредничестве давало нам основание ожидать, что оно допустит манифестацию, которая могла бы лишь укрепить дело мира... Оно, собрание, указало бы, что обя-

---

[1]) „Интернационал и война". Стр. 179 и след.

занностью великих держав является воспротивиться и у-тем предложений посредничества расширению австро-сербского столкновения и локализировать его во избежание всеобщего побоища».

Таким образом, французские социалисты в ответ на запрещение собрания, и несмотря на этот запрет, торжественно повторяют о своей готовности поддерживать до конца дипломатическую игру союзников: в самом «протесте» они воздают хвалу «посредническому предложению» Англии, т.-е. уж об'единенного в тот момент штаба союзников, и повторяют формулу о локализации всеобщего конфликта, которая в тот день (30/VII) являлась очередным фокусом Антанты для оправдания русской мобилизации. Эти заявления о «поддержке, несмотря ни на что», не могли не тронуть сердце Пуанкарэ. Уже 2 августа социалистическая партия получает разрешение на собрание в Ваграмском зале. Собрание созывается якобы для отчета «делегации интернационального социалистического бюро». Смысл всех произнесенных на этом собрании речей заключается в том, что вожди уже открыто переходят от беззубой «борьбы за мир» к агитации за войну «до конца».

«Французские социалисты,—говорит Лонге,—доведут до конца усилия германских социалистов для сохранения и восстановления мира. Но если бы Франция подверглась нападению, то могли ли бы они не оказаться впереди всех для защиты Франции, революции, демократии и т. д.».

«Чем вы отличаетесь от шовинистов? — говорил Самба. Вы боитесь (уже!! — П. Ш.) за защиту французской культуры и свободы народов. В качестве победителей — так как необходимо, чтобы вы победили—вы не будете насиловать права других».

Круг, таким образом, замкнут и здесь. Еще до своего официального падения и формального вступления в коалиционное правительство реформистские вожди Франции в такой же мере, как и в Германии, предали дело борьбы за мир. Единственное оправдание (если только можно говорить об оправдании), которое можно было бы привести

в пользу немногих, лучших из них, заключается в том, что они ни в какой степени «не сознавали способа борьбы против войны», ни в какой степени не были способны «предпринять разумный и достигающий цели путь борьбы против войны». Большинство же вождей под флагом «борьбы за мир» сознательно и расчетливо вело массы на империалистскую войну. На деле и те и другие систематически, шаг за шагом поддерживали лживые заявления, обещания и внушения правительства. Голосование за военные кредиты и вступление в коалиционное правительство не явилось неожиданным нападением II Интернационала, оно вырастало и постепенно развивалось из всей политики оппортунизма.

«ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ» И СОЦИАЛ-ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

В том соревновании, которое вели между собой Англия и Германия за более приличный, т.-е. окутанный более искусным обманом повод к войне, победа оказалась безусловно на стороне английской дипломатии. Зарывающийся германский империализм не мог выдержать борьбы с утонченным лицемерием и рафинированной лживостью многоопытной англо-французской дипломатии. Это охотно признают теперь и германские историки войны, стремясь «дурную славу» германского разбойного империализма об'яснить «дипломатическим» поражением.

> «Не колеблясь,—пишет Гельферих,—я готов признать за противной стороной, особенно за англичанами, большую дипломатическую ловкость и превосходство их политики... Сюда следует присоединить и известную неуклюжесть и резкость нашей дипломатической тактики и формы выражения наших мыслей и чувств, которые за границей часто давали оружие против нас же».

Но пытаться использовать дипломатическое поражение Германии как доказательство того, что она не хотела войны и не готовила ее, значит из нужды сделать добродетель и попытаться неуспех Германии в идеологической подготовке войны использовать в интересах ее дипломатической игры после поражения. Вообще, всякая попытка разыскать кого-нибудь среди империалистских разбойников,

кто был бы менее виновен в многомиллионных убийствах 1914 — 18 гг., принципиально неправильна, так как все империалистские правительства и обслуживающие их пацифисты и соглашатели несут одинаковую ответственность за совершенные преступления [1]).

Но при том разделении труда, которое существовало между дипломатами и социал-соглашателями, «неуклюжесть и резкость», т.-е. бездарность, вильгельмовской дипломатии взвалила на императорских социал-демократов особенно тяжелые обязанности. С этой точки зрения Каутский и Шейдеман могли позавидовать судьбе Жореса и Реноделя. Но как ни безнадежна была дипломатическая игра для германского империализма, социал-соглашатели продолжали вести ее до последнего момента и даже после него, когда официальная дипломатия уже махнула рукой на всякие приличия и пошла напролом.

С этой точки зрения чрезвычайно характерна поездка, предпринятая представителем ЦК германской социал-демократии Германом Мюллером в Париж 1 августа, т.-е. в тот день, когда германский посланник Шен фактически пред'явил уже французскому правительству ультиматум войны. Поездка Мюллера, согласно его об'яснению, имела в виду задачи интернационального характера: передать французским товарищам предложение германского президиума о невозможности созвать назначенный на 9 августа в Париже чрезвычайный международный социалистический конгресс.

---

[1]) Тов. Ротштейн пишет в предисловии к книге Гельфериха: „Можно без большого риска присоединиться к основной мысли автора (т.-е. Гельфериха), что Германия не хотела войны... В худшем случае—германское правительство отнеслось к вызывающему поведению своей австро-венгерской союзницы легкомысленно и слишком доверялось удачным прецедентам прошлого, когда державам удавалось балканские споры и ссоры локализировать“. Вряд ли можно согласиться с таким утверждением. Точно так же неверно, будто „для Англии также угроза войны явилась неприятным и мало желанным сюрпризом“ и будто „конфликт принял европейский характер благодаря стараниям французов и русских, а также непроходимой глупости самого Грея“. Такая преуменьшенная оценка активной роли Англии и Германии в империалистской войне 1914—18 гг. прежде всего и фактически неправильна. Но и с принципиальной стороны такая постановка вопроса о меньшей ответственности руководительниц обеих империалистских группировок неправильна.

Как бы не так! В действительности же миссия Мюллера, отправившегося под благовидным предлогом в Париж, заключалась в том, чтобы попытаться использовать последние жалкие остатки крахнувшего интернационального аппарата, чтобы подправить дела германской дипломатии, в этот период уже совершенно сбитой с толку.

Беседа Мюллера с французскими товарищами была посвящена такому важному вопросу, как голосование военных кредитов.

> «Мюллер утверждал, что социал-демократия при рассмотрении кредитов в рейхстаге будет голосовать против них или воздержится от голосования, если французские социалисты с своей стороны воздержатся также. Некоторые из нашей среды заметили Мюллеру, что если Франция подвергнется нападению и нашествию, то ни один французский социалист не уклонится от вотирования кредитов. Мюллер заявил, что вопрос о выяснении того, кто является нападающей стороной, всегда носит теоретический характер и представляет трудности для своего разрешения. Остается лишь принцип: не вотировать за необходимые военные кредиты. Он повторил, что среди германских социалистов намечаются лишь два течения: одни желали бы вотировать против, другие предпочли бы воздержаться».
>
> Зюдекум обманул итальянских социалистов, сказав им иное» [1].

Что известный социал-империалист Зюдекум способен был обмануть и бесстыдно обманывал социалистов и своей и других стран в интересах германской буржуазии,— это факт, не подлежащий никакому сомнению. Но столь же несомненно и то, что Мюллер, говоря на этот раз об обмане Зюдекума, в свою очередь хотел обмануть французских социалистов, доставив им последнюю «информацию» о готовности германской с.-д. не голосовать за кредиты. Какую цель он преследовал этой разведкой? Почему именно теперь он вспомнил безусловную истину, что в империа-

[1] „Юманитэ"—4/VIII—1914 г.

листской войне вопрос о «нападении» теряет значение, хотя до этой беседы и сейчас же после нее предательская агитация германских с.-д. была построена на том, что Германия ведет войну оборонительную, что она подверглась нападению? Потому и только потому, что к этому моменту для головки германских с.-д. было ясно, что неуклюжей кайзеровской дипломатии все равно не удастся сохранить видимость «обороны», что ей немедленно предстоит в целях использования своего военного превосходства открыто об'явить войну России и Франции (не говоря уже о предрешенной оккупации Бельгии). Деликатная миссия Мюллера заключалась в том, чтобы выбить из рук французских социалистов козырь оборонительной войны, который англо-французская банда крепко держала и ловко бросила на стол в решительный момент. «Товар» Мюллера сильно подмочен. Он идет на уступки: «ни по вашему, ни по нашему»,— предлагает он французским социалистам;— откажемся одновременно от признания оборонительности и справедливости начинающейся войны. Но и лидеры французских социалистов достаточно прожженные дельцы, чтобы не отказываться от преимуществ позиции, занимаемой империалистской Францией.

Ведь расчеты французского генерального штаба на том именно построены, чтобы заставить, согласно выражению Самба, рабочих итти в бой. А это возможно лишь в том случае, если война «останется» для Франции оборонительной и «святой». Отказаться от такой выгодной лжи во имя прекрасных глаз Мюллеров Ренодели отнюдь не намерены.

Мюллер дважды (и в 1914 и в 1915 г.) вносил поправки и дополнения к тому отчету о его беседе с французскими вождями, который был напечатан ими в «Юманитэ», но основного, а именно — сделанного им заявления, будто германские с.-д. предполагают либо голосовать против кредитов, либо воздержаться от голосования — он опровергнуть не мог. Как известно, после неудачной разведки Мюллера, германские с.-д. последовали примеру своей буржуазии, и отказавшись от всяких «условностей» и «приличий», пошли напролом. 4 августа социал-демократическая фракция рейхстага голосовала за военные кредиты, причем в декларации

(которую для большей «крепости» огласил центрист Гаазе), война провозглашалась «вынужденной обороной».

> «Нам грозят ужасы враждебных нашествий. Мы должны теперь голосовать не за войну или против нее, а решать вопрос об отпуске средств, необходимых для защиты страны... Мы не оставим отечества без помощи в час опасности».

Надобность миновала, и доводы Мюллера «о теоретическом характере вопроса, кто является нападающей стороной», снова сдаются в архив. Социал-демократическая печать переполняется воплями о «нашествии» и об «освободительной миссии вильгельмовской войны».

> «Если, — пишет Роза Люксембург, — социал-демократическая фракция придала войне характер защиты немецкой нации и культуры, то социал-демократическая пресса наделила ее аттрибутом освобождения всех наций. Гинденбург стал исполнителем завещания Маркса и Энгельса».

Эта «социалистическая дипломагия» в течение войны опускалась все ниже. Встречи между вождями французских и германских социалистов с целью воздействия одной стороны на другую происходили уже по непосредственным заданиям контр-разведки то одной, то другой из воюющих сторон. В книге начальника разведывательного управления германского верховного командования, полковника Николаи [1]), мы находим описание одной из дальнейших фаз развития социалистической дипломатии. Участником его является Зюдекум, добрым именем которого Мюллер готов был поступиться в целях воздействия на французских коллег.

> «В 1915 году было сообщено, что один из вождей социалистического движения во Франции был захвачен

---

[1]) Николаи. „Тайные силы, интернациональный шпионаж и борьба с ними во время войны и в настоящее время". Перевод с немецкого, Москва, 1925 г. Автор искусно раскрывает не только тайны германской разведки, но и те приемы работы международного шпионажа, которые еще и сейчас могут иметь известное практическое значение. Тем не менее, книга имеет некоторый интерес как доказательство участия контр-разведки всех стран в обработке общественного мнения.

в плен в качестве капрала. На запрос с нашей стороны он заявил о своей готовности отправиться во Францию и действовать там в пользу окончания войны. Для проверки его заявления была затребована в Берлине присылка сведущего лица, знакомого с французской социал-демократией. Прибыл депутат Зюдекум и после подробной беседы установил, что сообщения француза о его политическом положении правильны, и что можно допустить, что он свои планы проведет в жизнь. Француз был проинструктирован, переодет в штатское платье, осведомлен о пути через Германию, о положении в ней, препровожден до Базеля и там отпущен. Не успел он прибыть во Францию, как все французские газеты вновь зашумели об этой немецкой попытке разрушить единство французского народа и его волю к борьбе. Сам этот французский социалист принимал, насмехаясь, участие в осуждении глупых немцев».

От тайного сотрудничества с дипломатией до открытой работы с контр-разведкой, от лицемерной, притворной «борьбы с войной» до самой грязной, провокационной работы в интересах «своего империализма»! От пустых, напыщенных, фейерверочных фраз о пролетарской солидарности до циничного использования «интернационального» влияния на социалиста другой страны с целью превратить его в агента своей контр-разведки! «Вожди» падали со стремительной быстротой; пропасть, отделяющая их от масс, расширялась.

Сила социал-демократического обмана, столь могущественная накануне и в начале войны, постепенно ослабевала. Массы прозревали, рабочий класс увидел, что он в западне. Началась тяжелая, мучительная, требующая бесчисленных жертв борьба с войной,— тем больших жертв, что все узловые пункты организации находились в руках предателей. Но эта действительная революционная борьба с войной возникала не раньше чем лицемерная «борьба» предателей и соглашателей была разоблачена неумолимым ходом событий.

ВИЛЬГЕЛЬМ В ТУПИКЕ И ВЫНУЖДЕННЫЙ «ЭНДШПИЛЬ»

Роли английского лицемерия в подготовке войны германские публицисты хотели бы приписать решающее историческое значение. До последнего времени они не перестают тщательно подбирать материал, уличающий государственных деятелей Англии в провокационных интригах до и во время войны. Характерна в этом отношении вышедшая недавно книга Германа Луца «Лорд Грей и мировая война» [1]), в которой собран, на основании последних документов, мемуаров и т. д., — ряд фактов, уличающих бывшего английского министра иностранных дел в грубейшей лжи. Задача эта была нелегка, потому что английские дипломаты, как старые рецидивисты, умеют работать, «не оставляя следов», и излагать свои лживые заявления в неуловимой и неуязвимой форме. Тем не менее, германское усердие на этот раз победило, и газета английских либералов «Нейшен» (№ от 16 апреля 1927 г.) должна признать, что книга Луца «в общем и целом изобразила дело так, как оно действительно обстояло». Но, разумеется, никакому усердию не удастся превратить вильгельмовское правительство в невинную Гретхен, падение которой произошло лишь благодаря чарам Фауста — Грея.

> «Если союзники действительно были того мнения, что австрийский ультиматум составлялся в Берлине, то они были обязаны удержать Германию, своевременно указав ей на всю серьезность опасности. Ясное и недвусмысленное указание Англии, даже за день до вручения ультиматума Сербии, было бы достаточно... Но Англия не вносила ясности в положение; она оставляла Германию в неизвестности, а затем, после некоторого промедления, дала понять Франции и России, что будет стоять на их стороне. Этим она дала решительный толчок к общей мобилизации в России,

---

[1]) Hermann Luz. Lord Grey un der Weltkrieg. Ein Schlüssel zum verständnis der Britischen Amtlichen Aktenpublicationen über dem Kriegsausbruch 1914. Berlin. 1927.

и тем самым она сыграла роль действительной подстрекательницы войны» [1]).

Но, конечно, только в состоянии военного похмелья германские политики могут выдвигать жалкие претензии и отговорки, вроде того, что Англия своевременно не сделала «предупреждения». В той чудовищной схватке,— не на живот, а на смерть,— которая разгорелась между германским и английским империализмом, были, правда, моменты, когда Германия, чувствуя дипломатическое превосходство противника, готова была, если не об'явить игру ничьей, — об этом речи быть не могло при непримиримости англо-германских интересов,— то, по крайней мере, отложить развязку до наиболее выгодного для себя момента. Но именно то самое соотношение сил, которое побуждало германскую дипломатию между 28-м и 30 июля мечтать о временно-ничьей, естественно, заставляло ее соперника, овладевшего целиком инициативой, форсировать развязку и в первом дипломатическом туре положить на обе лопатки неуклюжую вильгельмовскую дипломатию.

Выше упоминалось о тех тайных военных соглашениях между Англией, с одной стороны, Россией, а также Францией,— с другой, которые обязывали Англию к участию в европейской войне. Но дело, разумеется, заключалось не в этих письменных соглашениях, секретных обещаниях и письмах, даже не доведенных до сведения английского парламента. У лондонской дипломатии хватило бы искусства (и цинизма), чтобы в случае нужды подыскать необходимые, при этом неизменно благородные, мотивы для отказа от исполнения своих обязательств. Но элементарный расчет подсказывал Грею самую щепетильную верность международным соглашениям, что при создавшейся обстановке давало возможность вступить в войну на выгоднейших условиях. Сохраняя в течение дипломатической войны роль посредника, английская дипломатия имела возможность поощрять одних, подстрекать других, быть не только в курсе, но и направляющей силой в развитии событий и обеспечить себе наиболее выгодный предлог и наиболее подходящий

[1]) Erwin Heiden. Die Schuld am Kriegsausbruch. Berlin. 1921. S. 39.

момент для военного вмешательства. Без сучка и задоринки она довела до конца версию о своей «бескорыстной» роли в войне, не только обманув английский народ, но и сохранив за собой роль благодетельницы по отношению к союзникам во время войны и (что еще важнее!) при заключении мира, при дележе награбленного.

С «часами в руках» лондонские посредники могли следить за обострением конфликта, то замедляя, то форсируя его развитие.

29 июля Грей имел цитированную выше беседу с германским послом Лихновским, смысл которой заключался в том, что в случае войны Англия выступит на стороне союзников. Интимная беседа, разумеется, немедленно стала известна в Париже и Лондоне. Раскрыв свои карты, Англия уже не могла не стремиться к быстрому, решительному заострению конфликта. В ночь на 30-е в Царском Селе уже принимается решение о всеобщей мобилизации против Германии. «Ничья» для Берлина уже недостижима! Правда, он мог еще уступить, не ввязываясь в военную драку, но Лондон не имел никаких оснований опасаться, что вооруженная до зубов германская буржуазия, готовившаяся к войне в течение десятилетий, решится на капитуляцию без боя. 31-го Германия ответила мобилизацией, и так как ее стратегический план войны против Франции (план Шлиффена) был хорошо известен в Лондоне, то английское правительство могло без труда предвидеть не только предстоящее вторжение в Бельгию, но даже момент его. Защита нейтралитета Бельгии являлась, таким образом, «вернячком»: ставя на него, Англия могла быть уверена, что она как раз вовремя «окажется втянутой в войну». 31-го Грей, без всякого риска предупредить события, ставит перед Германией вопрос о соблюдении нейтралитета Бельгии. Ответ последовал неудовлетворительный. Благороднейший повод войны уже находится в жилетном кармане лорда Грея.

С того часа, как для Вильгельма стало ясно, что «мертвый Эдуард VII душит его, живого Вильгельма», германская дипломатия делает уже только навязанные противником, «вынужденные» ходы, лишь осложняющие ее положение. Она пытается вернуть Англию к нейтралитету путем под-

купа, т.-е. «компенсации». Да, но за чей счет? Дипломатически разбитый германский империализм все-таки не хочет выпустить хоть что-либо из своих рук. Может быть, соблазнить Англию обещанием ограничить германский флот? Но и это предположение в последний момент отвергнуто Вильгельмом. Единственно, чем он пытается взять Англию, это обещанием предоставить ей колонии... Франции. Предложение Германии о ее готовности, в случае нейтралитета Англии, «уважать территориальную неприкосновенность Франции в Европе и восстановить бельгийскую независимость после войны» Грей немедленно расшифровывает.

> «Германия, — говорит он, — не собирается считаться с независимостью Бельгии во время войны и уважать неприкосновенность Франции вне Европы, т.-е. в колониях».

Еще один выигрышный момент для «пацифистской» агитации за вступление в войну!

Так же неудачна и по тем же причинам была попытка Германии подкупить Италию. Что только подкупом можно заставить Италию выполнить ее обязательства в качестве члена тройственного союза,—это для рвача Вильгельма ясно с первого дня конфликта. На докладе посла из Рима о том, что «общественное мнение Италии против австрийского ультиматума», Вильгельм делает следующую надпись:

> «Ей хотелось бы самой кое - что стянуть в Албании, но при этом ее накрыла Австрия».

Другое указание посла, что Италии надо своевременно обещать компенсацию, Вильгельм скрепляет следующими, совершенно правильными соображениями:

> «Ведь и маленькому воришке должно кое-что достаться».

Считаясь, таким образом, с воровским неписанным «правом», кайзер вначале советует, а потом и требует от Австрии, чтобы та уступила небольшой клочок своей территории Италии или хотя бы не помешала ей еще до войны стянуть кое-что у Албании. Хорошо Вильгельму давать такие советы, но каково-то старому хищнику Францу-Иосифу отдавать «свое» или даже чужое! Он всячески укло-

няется от этой неприятной обязанности и доводит дело до того, что итальянский король в собственноручном письме сообщает Вильгельму, что его «правительство не признает себя обязанным участвовать» в разразившейся войне. Письмо было подписано: «твой брат и союзник Виктор-Эммануил». Вильгельм прибавил к слову союзник: «нахальство», а к имени короля слово «мерзавец». Итальянское правительство получает высочайшую санкцию на дезертирство.

Сорвалась также попытка Берлина в последний момент симпровизировать «законный» повод для об'явления войны Франции. На поставленный Берлином вопрос, «останется ли она нейтральной в случае русско-германской войны», Франция предпочла ответить уклончиво: она, мол, сделает то, что «ей продиктуют ее собственные интересы» [1]). Но у Берлина уже не было времени, чтобы тянуть дольше дипломатическую волынку и заставить Францию раскрыть свои карты. Германия об'являет войну без всякого «повода», взяв, таким образом, и в данном случае на себя всю моральную ответственность за нападение.

Но еще скандальнее кончилась попытка шантажа, предпринятая Берлином в отношении Бельгии. Требуя от Бельгии беспрепятственного пропуска войск, германское правительство обещает ей не только «независимость королевства при заключении мира», но даже «самым доброжелательным образом пойти навстречу возможным требованиям территориальных компенсаций Бельгии за счет Франции». Германия, таким образом, хочет подкупить Бельгию п р о т и в Франции и з а с ч е т все той же Франции, гарантируя эту сделку тем, что она п о к а ч т о, до заключения мира, не

---

[1]) Опыт империалистской войны, таким образом, показывает, что формула „Франция сделает то, что ей продиктуют собственные интересы", не всегда означает о т с у т с т в и е уже вполне определенного решения. В последнее время состоящий при Бриане в качестве чиновника по писательской части, сотрудник „Матэн" Зауэрвейн, повторяет во всей европейской печати эту формулу в применении к той позиции, которую Франция занимает или будет занимать в англо-советском конфликте. Аргументация, которую он при этом приводит, далеко, однако, не исключает того, что эти „собственные интересы Франции", как их понимает правительство Пуанкарэ, в один прекрасный день могут „самоопределиться" в сторону полнейшего подчинения контр-революционной политике правительства Болдуина.

очень-то будет считаться с «независимостью королевства». Впрочем, Германия не стала дожидаться результатов и этого «тонкого» хода: еще до ответа она наводнила Бельгию войсками и заняла по отношению к ней открыто-разбойную позицию.

ГОСПОДЬ БОГ НА АНГЛИЙСКОЙ СЛУЖБЕ

Германские буржуазные публицисты об'ясняют окончательный дипломатический крах Германии тем, что вследствие «излишнего формализма» она переоценивала значение «международного этикета» по об'явлению войны.

> «Зачем,— пишет Гельферих,— понадобилось нам официальным об'явлением войны выставить себя, хотя бы только формально, в невыгодном свете — наступающей стороной. Мы знали, что Франция была обязана и решила оказать России военную поддержку. Зачем понадобилось нам формальным об'явлением войны отнять у французского правительства это невыгодное преимущество (Франкенберг) [1].

Это не только слишком запоздалое, но вместе с тем бесплодное «раскаяние». Зарывающаяся политика германского империализма об'яснялась не «темпераментом» и не близорукостью, а той общей хозяйственной, географической и стратегической обстановкой, в которой молодой германский империализм вступил в борьбу со старыми хищниками за свое «право под солнцем». И те же об'ективные условия дали возможность Англии вступить в кровопролитнейшую войну под аккомпанимент громких пацифистских тирад. Вот почему политика буржуазной Англии и ее партий во время

---

[1]) Обжегшись „на об'явлении войны", немецкие военные и штатские писатели предсказывают, что будущая война обойдется без этих формальностей. Так, военный писатель, генерал Франкенберг, говоря о неизбежности нападения Англии на СССР и рисуя план английской десантной операции в Ленинграде с целью стремительного продвижения на Москву (при помощи моторного транспорта), подчеркивает, что такому намерению „не буодет предшествовать об'явление войны по всем устарелым правилам, п- телеграфу и «Deutsche Allgemeine Zeitung» № 277—278). После того как Англия, без всякого намека на об'явление войны, вела против Советской России продолжительную интервенционную войну, потратив на нее миллиард рублей, пророчества генерала Франкенберга нельзя считать лишенными основания.

империалистской войны наиболее убедительно показывает, до какой степени не только буржуазный, но и мелко-буржуазный пацифизм ни в какой степени не мешает ни подготовке, ни проведению разбойной войны.

Насколько Грею, одному из типичнейших представителей английской дипломатии периода ее расцвета, удалась его игра, видно из того, что значительная часть критиков упрекает его,—как вы думаете, в чем? — в том, что он «глупо и неумело хлопотал за сохранение мира».

Но обвинять английскую дипломатию в этом, значит воздать высшую похвалу ее талантам, потому что ни к чему она так не стремилась, как именно к тому, чтобы казаться беспомощной в своих миролюбивых усилиях и, таким образом, остаться неразоблаченной в качестве могучего и искуснейшего организатора мирового военного столкновения. Два-три примера, характеризующие приемы, которые она при этом применяла, сохранили свое значение и для настоящего времени.

Английской буржуазии, выступающей в роли защитницы культуры, цивилизации и т. д., изображающей свою войну с Германией,— правда, устами поэтов,— как «борьбу бога с дьяволом», необходимо было во что бы то ни стало скрыть заговор против мира, заключенный ею с царской Россией. Между тем, весть о заключенной летом 1914 года русско-английской морской тайной конвенции разнеслась так широко, что проникла даже в парламент. На пред'явленный по этому поводу запрос, лорд Грей ответил:

> «Не существует никаких неопубликованных договоров, которые могли бы ограничить или стеснить свободу правительства или парламента при решении вопроса о том, должна ли или не должна Великобритания участвовать в войне. Такие переговоры, насколько мне известно, не ведутся, и их не предполагают вести».

Ложь, содержащаяся в этом утверждении, во время войны обнаружилась полностью. Лорд оказался пойманным с поличным. Однако, в недавно вышедшей книге «25 лет» он пытается выпутаться из неприятного положения, заявляя с невозмутимым цинизмом: «Ответ был совершенно правилен. Критика, которой он мог бы подвергнуться, заклю-

чается в том, что это не был ответ на заданный мне вопрос». Перед нами, таким образом, официальное признание той игры, к которой обычно прибегает английское правительство (а в последнее время особенно часто), давая ответы на запросы в такой форме, чтобы одним выстрелом убить двух зайцев: 1) соврать и 2) не быть уличенным во лжи. Однако, Луц, о книге которого упоминалось выше, не дает заврамшемуся лорду ускользнуть и через эту лазейку. Он приводит полный текст его парламентского ответа, заключающий и следующую фразу: «Этот ответ покрывает оба вопроса, пред'явленные мне». Грей уличен вторично, и крыть ему больше уж нечем.

Такое же значение имеет и дата об'явления мобилизации Россией. Согласно версии союзников, царская Россия, миролюбивая репутация которой должна остаться чище снега альпийских вершин, об'явила мобилизацию лишь в ответ на мобилизацию Германии. Факты, как известно, говорят обратное, и отговариваться незнанием их сейчас уже невозможно. Но Грей в течение ряда лет настаивал, что эти факты были и остаются ему неизвестны. Шила, однако, даже в самом крепком мешке не утаишь. В официальном сборнике документов, опубликованном в Лондоне в этом году, напечатана телеграмма английского военного атташе в Петербурге военному министерству: «в 6 часов утра на 30-ое вывешено об'явление об об'явлении всеобщей мобилизации».

Но могло ли военное министерство «утаить» от министра иностранных дел такой исключительной важности факт? Чтобы утверждать это, даже у Грея не хватает «твердолобия». Единственно, на что он мог бы сослаться, это на то, что в Синей Книге, опубликованной правительством в 1914 году, этой телеграммы военного атташе нет. Это значит, однако, только то, что телеграмма о дне об'явления русской мобилизации сознательно скрыта, но не от Грея, а самим Греем. Как опытный преступник, английский министр знает, какое место ему следует обходить наиболее тщательно.

Интересно, как старается сейчас «смягчить» участь уличенного Грея буржуазный пацифист Диккинсон, игравший во время войны немалую роль в деле симуляции борьбы за мир.

«Виконт Грей,—пишет он,—является, по общему мнению, лучшим образцом английского джентльмена, но он сделался частью системы, за которую он не ответственен и которая делает для государственного человека какой-бы то ни было страны невозможным быть честным и правдивым, как это обычно понимается приличными людьми в частной жизни. В этом была его трагедия. Но случай с Греем является лишь одним характерным примером того, что обычно иностранцы называют британским лицемерием. Ни одно обвинение не воспринимается англичанами так болезненно, как это, потому что ни один народ так не чувствителен к добродетели. Но именно в этой чувствительности и коренятся причины лицемерия. Англичанин становится слепым по отношению ко всему, что неприлично видеть. Он это делает с тем большим успехом, что действительно начинает верить, что никогда не видел неприличного факта. На самом же деле он его видел, но скрыл. Человек иной складки, имеющий не такую чувствительность, может быть открытым циником; он может быть нечестным, и подобно Бетман-Гольвегу он может даже открыто сказать: «мы поступили плохо, но мы не можем сделать ничего другого». Англичанин же этого никогда не скажет. Он всегда поступает безусловно хорошо, потому что для него хорошо то, что он делает (for to him right means what he does) [1]).

Перед нами, таким образом, вполне законченная теория, оправдывающая с высшей, пацифистской точки зрения мошенничество и подлоги буржуазных политиков и дипломатов, поджигателей и мародеров, не перестающих, однако, быть «лучшими образцами джентльменства», да еще английского. Формула: «хорошо то, что я делаю», в устах представителей разлагающегося класса эксплоататоров открывает возможности, куда более широкие чем в средние века аналогичная формула отцов-иезуитов. Диккинсон прав в том отно-

---

[1]) „Нейшен“, 1927 г.

шении, что он эту возведенную в принцип лицемерную ложь приписывает не качествам отдельных лиц, а всей государственной системе. Система эта именуется: диктатура буржуазии, и с ней неразрывно связана. «Английское» лицемерие будет ликвидировано в тот самый момент, когда буржуазия будет раздавлена. И не только английская. Потому что напрасно (не по побуждениям ли «национальной гордости»?) автор ограничивает господство ханжеского политического разврата территорией Британской империи. Монопольное положение английской буржуазии в области дипломатической лжи,— как, впрочем, в ряде других областей,— оспаривается, и не без успеха, империализмом других стран, в первую очередь Соединенными Штатами Америки. Вашингтон уже во время войны своим «вильсонизмом» мог дать много очков вперед той английской «чувствительности к добродетели», которая покрывает всякую пакость. После же войны, с распадом экономического и финансового превосходства Англии, ее правители не могут уже проводить своих планов как во внешней, так и во внутренней политике, под прикрытием добродетельного лицемерия. Все чаще, все откровеннее прибегают они к средствам такого грубого и бессмысленного насилия, на которое не всякий Бетман-Гольвег решился бы пойти без острой нужды. Обстрел Нанкина, кража со взломом в советском торгпредстве, авантюристическая провокация убийств, бандитских набегов и т. д. — лучшее тому доказательство.

Но в периоде подготовки войны 1914 года английская дипломатия еще находилась в зените своего жульнического творчества. И если господь бог помогал Наполеону I, сражаясь на стороне его батальонов, то в отношении английской буржуазии, в периоде ее расцвета, тот же бог шел на еще более интимные услуги. Мы имеем на этот счет не подлежащие никакому оспариванию свидетельские показания первого лорда адмиралтейства Фишера, который являлся одним из сотрудников Эдуарда VII по установлению «сердечного согласия», т. е. по организации заговора Англии, Франции и России. Вот какие воспоминания на этот счет мы находим у лорда, стоявшего шесть лет (с 1904 по 1910 г.) во главе вооруженных сил Англии.

«Прискорбно было видеть, как неудовлетворительны были наши шпионы и наши разведывательные учреждения, не только в последнюю войну, но и, в особенности, в войну с бурами. Слова султана произвели на меня такое впечатление, что я самостоятельно принялся за работу и смог, благодаря патриотизму нескольких англичан, занимавших видное положение в торговле на берегах Средиземного моря, организовать в Швейцарии *частный* тайный разведывательный центр. *Провидению угодно было, чтобы я оказался в состоянии, благодаря счастливому стечению обстоятельств, получать ключи шифра и все шифрованные сообщения, исходящие от различных чужих посольств, миссий и консульств*».

Приводя это заявление Фишера, германский обер-шпион Николаи [1]) разводит, что называется, руками. И не потому, конечно, что для него самого кража телеграмм или шифров была бы делом необычным. Наоборот, он считает это занятие настолько нормальным, что без всякого стеснения сообщает о своих (разумеется, не всех) достижениях в этой области.

«Достоверный источник сведений во время кампании на восточном фронте представляли собою перехваченные русские радио. Все приказы были, конечно, шифрованные, но система шифра была проста и менялась редко. Легко удавалось поэтому расшифровывать...

Судя по успехам германской науки во время войны, можно считать установленным, что ни одна шифровальная система не может долго оставаться неразгаданной. Шпионаж охотился поэтому за шифрованными телеграммами повсюду, не только в неприятельской стране и воздухе, но и в нейтральных странах. Они добывались за большие деньги» [2]).

Но одно дело «охотиться» за телеграммами, «разгадывать» шифры, т. е. терять время и силы на преодоление технических трудностей и без всякой гарантии на успех. И со-

---

[1]) „Тайные силы", стр. 25.

[2]) Там же, стр. 75 и 116.

всем другое дело получать все телеграммы, иметь все ключи от чужих шифров, пользоваться частной разведкой, к тому же еще руководимой провидением. Что бы ни говорили безбожники, но иметь, да еще в периоде подготовки войны, в качестве дешифровальщика само провидение, это со всех точек зрения дело подходящее. С тем большим искусством Грей мог вести свою провокационную игру. С тем большим основанием он мог утверждать:

— Хорошо, потому что я это делаю.

БУРЖУАЗНЫЙ ПАЦИФИЗМ И ПРОТЕСТ МАСС

То обстоятельство, что Англия вступила в войну с холодным расчетом, без угара и пафоса, не подвергаясь даже призрачной опасности «нашествия», имело своим следствием брожение пацифистских идей в стране и после открытия военных действий. Игра в пацифизм нужна была буржуазии, чтобы прикрыть не только ее вступление в разбойную войну, но и развертывание военного и централизованного террористического аппарата, которым до войны Англия располагала не в достаточном для новых задач масштабе. Английская буржуазия ждала от войны не просто кое-каких выгод, а победы на все 100%, и поэтому при первых же трудностях, даже часть английской буржуазии, не прочь была побрюзжать о преимуществах хорошего, т.-е. прибыльного мира над дурной, т.-е. убыточной войной. Буржуазный пацифизм, следы которого сказывались даже в таком солидно-буржуазном журнале, как «Экономист», об'яснялся тем, что английская буржуазия до войны не находилась в таком положении, что ей стоило рисковать своей головой из-за превратности военной судьбы. Но этот пацифизм крупной буржуазии стремился наложить свою руку и на пацифизм мелкобуржуазный, являющийся выражением хотя и неоформленного, но искреннего протеста масс против войны,—наложить руку, чтобы подчинить его и использовать в интересах войны. Само правительство Англии нуждалось больше чем правительство какой-либо страны в дальнейшем сотрудничестве с вождями социал-реформизма, притом в таких формах этого сотрудничества, что в массах сохранялась

иллюзия о пацифизме хотя бы части вождей. Это дипломатничанье окончилось не раньше, чем правительство построило на основе добровольчества громадную армию и широко разветвленный милитаризированный аппарат, опираясь на который оно получило возможность ввести обязательную воинскую повинность.

По вопросу о методах борьбы с войной в рабочих партиях Англии (Британской социалистической партии, Рабочей партии и Независимой рабочей партии), входивших во II Интернационал, всегда существовала полная путанность и неясность, облегчившая впоследствии вождям возможность овладеть антивоенным движением масс. Резолюция исполкома Британской социалистической партии, принятая 27 июля 1914 г., ограничивалась тем, что

> «сердечно поздравила социал-демократов Вены, Берлина, Парижа и других центров с их энергичными усилиями предупредить войну и приглашали своих сочленов поддержать подобные миролюбивые попытки Великобритании» [1]).

призыв, который в данный момент как нельзя лучше соответствовал лицемерной игре правительства. Воззвание Независимой рабочей партии высказывает уверенность, что

> «ни одно правительство не рискнет начать войну, если его народ заявит ему с надлежащей силой: Нет, мир должен быть сохранен».

На основной же вопрос о том, как организовать эту надлежащую силу, воззвание отвечает следующим образом:

> «Скажите же это! (о необходимости сохранения мира). Скажите тысячами голосов! Идите по улицам и говорите это! Собирайтесь на ваших площадях и в ваших скверах и говорите! Говорите это повсюду! Продолжайте говорить это до тех пор, пока правительство не уступит» [2]).

Этот призыв был напечатан в органе партии «Labour Leader» в № от 6 августа, т.-е. после об'явления войны, и, следовательно, являлся неоспоримым доказательством того, что правительство н е «уступило», несмотря ни на какие «зая-

---

1) „Интернационал и война", стр. 221.

2) Там же, стр. 223.

вления» и «слова». На собрании протеста против войны, организованном 2 августа Британской социалистической партией и Независимой рабочей партией, принята резолюция, не содержащая ни слова об империалистских планах английской буржуазии и призывающая

> «правительство Великобритании решительно отклонить от себя всякое выступление и ограничиваться лишь приложением усилий к возможно быстрому восстановлению мира...
>
> Англия не имеет ни прямых, ни косвенных интересов, которым угрожал бы происшедший между Австрией и Сербией конфликт».

Эта аргументация против войны по тем соображениям, что «Англия не имеет ни прямых, ни косвенных интересов», ни в малой степени не могла смущать Грея, имевшего уже в то время такой козырь, как нарушение нейтралитета Бельгии, и такой благородный предлог для войны, как защита прав малых наций, которых сам бог избирает носителями культуры». Основные документы рабочих партий не вскрывают, таким образом, причин и характера империалистского разбоя, борьбу против войны ведут под лозунгами, бьющими мимо, и средства предлагают заведомо негодные. Что же касается парламентской группы Рабочей партии, то она шла еще дальше. Принятая ею резолюция выражает

> «удовлетворение по поводу того, что сэр Эдуард Грей принимает такие меры, которые должны привести к прекращению войны между Австрией и Сербией».

По открытию военных действий и Независимая рабочая и Британская социалистическая партии издали по манифесту против войны. О характере этих манифестов речь будет ниже. Но уже самый факт их появления показывает, что в Англии, в отличие от Германии, Франции, н е в с е реформистские вожди с е й ч а с ж е после об'явления войны открыто и целиком м о г л и стать на сторону своей военщины. Потребовалось, по причинам, о которых мы уже упоминали, еще некоторое время, пока пацифисты Англии опустились до уровня континентальных социал-шовинистов и социал-соглашателей.

Лишь одна Рабочая партия разрешила задачу предательства, хотя и постепенно, но в темпе, не уступающем континентальным социалистам. Уже 29 августа Исполком Рабочей партии принял резолюцию, в которой он заявляет о своей готовности

«поддержать кампанию за усиление армии Великобритании. На Центральное бюро возлагается проведение этой кампании и поддержка всех мер, направленных на достижение этой цели».

Вслед за тем парламентский комитет конгресса тред-юнионов обратился к рабочим с манифестом, в котором говорится о необходимости

«откликнуться на призыв правительства записываться в армию, чтобы доказать всему миру, что свободный народ может подняться на высоту величайших жертв, даже без принуждения к воинской службе. Если страна в этот момент оставила бы без поддержки существующую систему добровольного комплектования, то требования заменить ее обязательной воинской повинностью не настолько бы усилились, что, может быть, против них нельзя было бы уже больше устоять».

24 августа Об'единенный совет Рабочей партии и Совет тред-юнионов принимают резолюцию об установлении гражданского мира в стране. 15 октября принимается резолюция о поддержке войны до «достижения намеченных ею целей». В резолюции говорится:

«Политика английского рабочего движения исходит из стремления предохранить Англию и континентальные страны от тех несчастий, которые явились бы следствием победы милитаристского деспотизма. Не может быть мира до тех пор, пока не сокрушены те силы, которые разграбили Бельгию и ее жителей, которые принесли почти всей Европе нужду, страдания и все ужасы войны. Пока конфликт продолжается, должна быть оказана как внешняя, так и внутренняя защита Англии; сражающимся, как и остальному населению, должна быть оказана поддерж-

ка с напряжением всех сил. Рабочее движение вносило и будет вносить свою долю в дело исполнения общенационального долга, уверенное в том, что насильническая система германского империализма будет разбита».

Лидеры Рабочей партии вступают в коалиционное правительство войны. Гендерсон, подписавший вместе с Кайр-Гарди уже после об'явления войны (6 августа) воззвание под лозунгами «Долой классовое правление, долой режим грубой силы, долой войны, да здравствует мирное управление народами», становится одним из наиболее бешеных проводников политики империалистической войны. Таким образом, Рабочая партия без большого опоздания «выровняла» свой фронт с континентальными социал-шовинистами.

Иными средствами пришлось разрешить ту же задачу вождям Британской социалистической партии. В манифесте, выпущенном ею после об'явления войны, указывается, что «это не война народов», что «рабочие Германии против нее». Но тут незаметно внушается рабочим мысль, что необходимо примириться с «фактом войны», что следует ограничиться борьбой за смягчение ее тяжестей.

> «Правительство поспешно провело военную мобилизацию и старается предпринять различные меры для облегчения финансовых затруднений. Мы должны требовать с ясностью и определенностью, чтобы не меньшая энергия была проявлена и к вопросу об обеспечении населения продовольствием» [1]).

Далее приводится ряд мелких требований, исполнение которых должно «сбалансировать» морскую и военную мобилизацию. Элементы, при этом довольно значительные, отступления от довоенной позиции заложены, таким образом, в самом манифесте. Но этим дело не ограничивается. В том же номере журнала, в котором помещен был манифест, «Justice» от 13 августа 1914 г., напечатана статья Гайндмана, уже открыто поддерживающая войну. В ней говорится:

---

[1]) „Интернационал и война", стр. 229 и сл.

«Мы, как партия, в полной мере участвовали в демонстрации на пользу мира, которая происходила в Трафальгарском сквере... Но когда воинствующие германские захватчики умышленно разорвали договоры, подписанные их же страною относительно нейтралитета Бельгии... когда германское правительство сделало то, что Асквит справедливо назвал «позорными предложениями», чтобы обеспечить себе нейтралитет со стороны Англии, то мы *обязаны об'явить войну нарушителю мира Европы и умышленному нарушителю своих собственных обязательств*».

Группа Гайндмана, которого тов. Ленин относил к характерным представителям социал-шовинизма, крепко держала в своих руках верхушечный аппарат и орган Британской социалистической партии. Это давление верхов было настолько велико, что партия, как будто без сопротивления, заняла социал-империалистскую позицию. Лишь осенью 1915 года, когда при выборах нового члена Центрального исполнительного комитета кандидат, выступавший под лозунгом «войны с войной», получил большинство, в партии образовалась группа для борьбы с шовинистической головкой. А затем летом 1915 года на партийной конференции в Манчестере группа, стоявшая против войны, получила большинство, и сторонники Гайндмана вышли из партии. Но тут уже начинается новый период борьбы как против войны, так и против буржуазии и ее агентов—реформистских вождей.

Из трех английских рабочих партий, входящих во II Интернационал, Независимая рабочая партия *могла бы* вести более или менее действительную борьбу против войны. Но благодаря зависимости ее вождей от буржуазного пацифизма, и она сбивалась на мечтания о мире, без проповеди революционных действий для борьбы с войной. Все же на фоне общего краха II Интернационала даже эта позиция Независимой рабочей партии выделялась своим отказом от непрекословной и открытой поддержки правительства войны. Манифест этой партии, появившийся после об'явления

войны, таил в себе лазейки, через которые вождям нетрудно было улизнуть от борьбы. Так, манифест признает,

> «что в дни, непосредственно предшествовавшие войне, Грей работал в пользу мира, но это было слишком поздно».

В манифесте уже намечается будущая политика пацифизма: отвлечение внимания рабочих от задач по проповеди и подготовке массовых действий за счет платонических и безвредных для буржуазии размышлений о благах будущего «демократического» мира.

> «Что касается будущего, то мы должны начать подготовку наших умов к трудным и опасным осложнениям, которые могут возникнуть при окончании войны. Народ должен повсюду противиться таким территориальным завоеваниям и такому национальному унижению, которое проложит дорогу для новых войн, и рабочие всей Европы должны стремиться к созданию открытой и честной дипломатической политики, контролируемой ими самими, к подавлению милитаризма и созданию Соединенных Штатов Европы, приближаясь, таким образом, к идеалу всеобщего мира» [1]).

Но подготовка «умов» да еще «сердец» и разговоры о будущем мире, который, при сохранении буржуазного строя, будет заключен без аннексий, без угнетенных наций, без грабежа, без неизбежности новых войн, вполне соответствовали пацифистским брюжжаниям буржуазных филантропов. Чем дальше, тем больше партия суживает задачи своей борьбы, тем больше откладывает ее к моменту заключения мира. Уже 14 сентября официальный орган партии «Labour Leader» писал:

> «Милитаристам и военщине как в Германии, так и в Британии удалось их дело: обе нации ведут друг с другом войну. Но когда эта война кончится, очередь будет за нами. Тогда должно нам удасться наше дело, тогда мы должны позаботиться,

---

1) „Интернационал и война", стр. 228.

чтобы влияние, вызвавшее войну, было искренно как в той, так и в другой стране»[1]).

А в следующем номере газета еще определеннее говорит, что задача партии состоит в «работе для достижения продолжительного мира по окончании войны».

Организационная связь, еще больше подчинявшая пацифизм масс филантропическому пацифизму буржуазии, получила свое выражение в Союзе демократического контроля, официальное обращение которого было подписано представителями обоих течений (Макдональд, Понсонби, Морель и др.). Обращение озаглавлено «Продолжительный мир» и характеризуется тем, что оно ссылается, ни более и ни менее как на Черчилля, который

«является первым членом правительства, наметившим широкие основания для мира и вполне правильно предупредившим нас об опасности повторить ошибку, которая допущена была в 1870 году Германией, в том случае, если бы мы пренебрегли бы национальным моментом»[2]).

Ссылка на Черчилля не являлась простым риторическим украшением. Разрешая себе слегка критиковать правительство за «неудачу по предотвращению войны», буржуазные пацифисты спешат компенсировать эту критику той верностью, с которой они стоят за победу английского оружия. Победа? Конечно! Кто же обеспечит заключение мира на демократических началах, если победит кто-нибудь иной, кроме Англии?

«... Для того, чтобы мир положил конец не только этой войне, но навсегда всякой европейской войне, необходимо, чтобы он был заключен общественным мне-

---

[1]) Эта цитата и все последующие из статей английских буржуазных пацифистов приводятся по Сборнику статей, изданному во время войны в Германии „Kriegsgegner in England". München. 1915. Германский империализм, стремящийся поднять настроение в своей стране указанием на антивоенные течения в Англии, тщательно, однако, остерегся от того, чтобы привести в этом Сборнике какой нибудь документ, где в какой бы то ни было степени указывалось бы на связь этой войны с господством империалистской буржуазии.

[2]) Сборник, стр. 39.

нием, а не правительствами и дипломатами. Общественное мнение должно быть подготовлено, но в настоящий момент мы можем его подготовить только в Англии. Следовательно, для достижения этой цели мы должны исходить из того, что мы не окажемся побежденными, потому что в этом случае мы не окажем никакого влияния на европейский мир»[1].

Итак, новый аргумент за победу английской буржуазии для торжества пацифизма! По части софизмов и подталкивания масс на «добровольческую запись в армию», кажется, дальше итти уже некуда! Статья, правда, принадлежит буржуазному пацифисту. Но при том законном сожительстве, которое существовало между социал-пацифистами и буржуазными филантропами, при неограниченном гостеприимстве официального органа Независимой рабочей партии для буржуазных пацифистов, эти рассуждения сбивали с правильного пути движение масс против войны.

Критическая линия буржуазного пацифизма сводилась главным образом к тому, что он брал под сомнение версию о непричастности английской дипломатии к подготовке войны. В редких случаях, например у Бернарда Шоу, эта критика принимала довольно острый характер.

«Эдуард Грей,—писал Шоу,—не сделал ничего и сказал все, за исключением того, что могло бы остановить Германию у границ Франции. Если бы он это сказал, британский лев, может быть, не решился бы на прыжок. Но британский лев совсем не желал, чтобы ему помешали прыгнуть».

В большинстве же случаев буржуазный пацифизм ограничивался еще более благонамеренной задачей — защитой германского правительства от сыпавшихся на него обвинений. Характерны в этом отношении нашумевшие в свое время статьи Мореля, пытавшегося реабилитировать германский империализм, обвиняя в военном пожаре одного русского царя[1]. Германофильский характер буржуазного па-

[1] «Великая ложь». Англичане на войне. Перевод с английской брошюры Э. Д. Мореля. Место и время издания книги не указаны. Вместо этого надпись: «В Англии запрещенная книга».

цифизма отражал взгляды наиболее дальновидной части английской буржуазии, которая предвидела, что

> «Перспектива, открываемая войной есть перспектива кровавых революций, ожесточенных войн труда с капиталом, или народных масс с господствующими классами континентальной Европы» [1]).

Идеи «демократического» мира, ограничения вооружений Соединенных Штатов Европы и т. д., навязываемые радикальничающей частью буржуазии через Макдональда и Совет демократического контроля враждебным войне массам, отнюдь не отвергались, разумеется, на словах, самым так называемым, правительством войны. В речи, произнесенной премьером Асквитом в Дублине, при рекрутировании добровольцев, эта приманка изображена в достаточно привлекательной форме:

> «... Я думаю, что в настоящее время мы не имеем лучшего определения для нашей европейской политики, как идея публичного права. Но что означает эта идея, переведенная на конкретный язык?.. Она означает прежде всего решительное отрицание милитаризма как фактора, господствующего в отношениях между государствами... Она обозначает затем, что необходимо найти и обеспечить возможность для независимого существования и свободного развития малых национальностей... Она, наконец, означает или, по крайней мере, должна означать (хотя, может быть, в результате медленного и постепенного процесса), устранение насилия, борьбы, честолюбий, образований группировок, союзов, неустойчивого уравновешивания, заменив их действительными Соединенными Штатами Европы, основанными на принципе равноправия... [2]).

Вот каким соловьем должен был заливаться сам премьер, заманивая солдат в окопы в с а м о м н а ч а л е войны. Добровольческий метод комплектования армии определял,

---

[1]) „Экономист". Февраль 1915 г.
[2]) „Times", 26 сентября 1914 г.

таким образом, не только пацифистскую фразеологию части буржуазии, но и дипломатическую игру самого правительства. Не только Макдональд ссылался на мудрое миролюбие Черчилля, но и, наоборот, Асквит, охотясь на рабочих, оперировал словечками из макдональдовской кухни. Связь между правительством и вождями реформизма проявилась в Англии в более разнообразных формах, чем на континенте. Эта связь не ограничивалась открытым сотрудничеством, вхождением Гендерсона в правительство, но и принимала формы лойяльной оппозиции, назначение которой заключалось в том, чтобы держать в своих руках и душить движение масс. Буржуазия сознавала, что совсем без пацифистских иллюзий для обмана народа ей не обойтись, тем более, что средство борьбы, которое рекомендовали пацифисты — «просвещение», «дух миролюбия», «преображение мыслей и чувства рядового человека», «новое сердце» и т. д.,— не очень стесняли военщину в ее повседневной кровавой работе.

Движение масс против войны освобождалось из плена буржуазного пацифизма медленно, постепенно, с большими жертвами, которые должны были принести рабочие, чтобы сломать систематический и злостный саботаж вождей. Значительную роль в этом процессе освобождения сыграли два фактора: 1) начало стихийного, хотя и разрозненного, забастовочного движения на экономической почве, прорвавшего плотину «гражданского мира», и 2) переход от «добровольчества к обязательной воинской повинности.

В первые недели после об'явления войны значительная часть безработных откликнулась на сладкие речи вербовщиков и записалась в армию. Это об'яснялось как бешеной патриотической кампанией, так и хозяйственным кризисом, который разразился сейчас же после об'явления войны. Стремительное развитие военной индустрии и вызванный им под'ем промышленности дали реформистским проповедникам войны новый агрумент; рабочие, мол, уже пользуются плодами войны и заинтересованы в ее дальнейших успехах. Но сокращение безработицы резко понизило число желающих продаваться на фронт, а ненасытное чудовище войны пред'являло все более властные требования на пушечное мясо.

Буржуазия повела бешеную кампанию за обязательную воинскую повинность. Рабочие массы подняли негодующий протест. Под их решительным нажимом конгресс тред-юнионов (сентябрь 1915 года) была принята резолюция, протестующая

> «против увеличивающихся стремлений части реакционной прессы навязать стране воинскую повинность, которая ляжет тяжким бременем на рабочий класс и которая может внести раскол в нацию в тот момент, когда необходимо абсолютное единство».

Нисколько, однако, не считаясь с этой резолюцией, реформистские вожди заключили за спиной рабочих сделку с военным ведомством и голосовали в парламенте за обязательную воинскую повинность. Благодаря этому предательству реформистской верхушки военная кабала стала совершившимся фактом.

Чтобы ослабить сопротивление рабочих, правительство внесло в закон либеральную оговорку, допускающую оттяжку военной службы по моральным побуждениям. Но суды, применявшие этот закон, очень скоро раскрыли классовое содержание этого «либерализма». «Совесть » и «религиозные убеждения» оказывались достаточно весомым фактором лишь в тех случаях, когда они подкреплялись соответствующей суммой годового дохода. Суды, освобождавшие от военной службы зажиточных квакеров, приходили в бешенство, когда рабочие, ссылаясь на тот же закон, отказывались от призыва. Рабочих арестовывали, гноили в тюрьмах, избивали, а затем, когда террор развернулся во-всю, стали сдавать в специальные дисциплинарные батальоны, где патриотические внушения нередко кончались смертью.

Независимая рабочая партия вела агитацию за мир под лозунгом отказа от военной службы. И по мере того как буржуазия и ее суды все более зверели, массы все более стали придавать этой борьбе сознательный революционный характер. В Англии, как во Франции и Германии, действительная борьба против войны развивалась лишь в процессе освобождения рабочих из-под влияния буржуазии и ее агентов.

Таковы основные приемы, применявшиеся буржуазной дипломатией, пацифизмом и социал-демократией Германии, Франции и Англии, чтобы втянуть и гнать народы в пропасть империалистской войны. В других странах политика социал-шовинизма и пацифизма представляла собой, в зависимости от местных условий, комбинаций германских, французских и английских приемов насилия и одурачивания в различных пропорциях. Лишь Соединенные Штаты Америки проявили самостоятельное творчество в этой области, оставив далеко позади себя дряхлеющую Европу и добившись того, к чему так безуспешно стремился английский империализм, т.-е. положения последнего вступающего в войну, последнего радующегося.

ВОЕННАЯ СВЕРХПРИБЫЛЬ «ПАЦИФИЗМА»

В манифесте конгресса Коминтерна в краткой формуле дана характеристика всей этой американской теории и практики выгоднейшей войны: «Ставка Вильсона, — говорится в манифесте,—согласно методам американской лотереи, была невелика, но она была последней и тем обеспечила за ним выигрыш». Понадобились, однако, годы, чтобы американская буржуазия достигла тех степеней самоуверенного цинизма, чтобы устами собственных публицистов подтвердить справедливость этой убийственно-разоблачающей пацифизм характеристики. Весною этого года, празднуя десятилетие вступления Соединенных Штатов в войну, американская печать, хвастливо подсчитывая горы награбленного золота, уже без всякого стеснения признавала, что этой жатвой она обязана не простому участию в войне, а той политике расчетливо-торгашеской лжи, которая предшествовала и сопровождала войну. Продолжительное «миролюбие» плюс кратковременное участие в войне,—после того как все участники ее истощены, с целью нанесения последнего удара, — является, по авторитетному заявлению американских знатоков, наиболее выгодной формой международного разбоя. Из всех военных акций пацифистские дают наиболее высокий дивиденд. В наиболее

циничном, а потому и законченном виде эта святая истина изложена в статье известного венного публициста Фредерика Пальмера[1]), служащая дополнением к официальной версии о мотивах, «заставивших» Вильсона решиться после долгих колебаний и борьбы как с самим собой, так и с пацифистским течением в конгрессе», вступить в мировую войну.

Еще 24 января 1917 года, т.-е. за 10 дней до перерыва дипломатических сношений с Германией, Вильсон произнес в сенате одну из своих наиболее миролюбивых речей, в которой он развернул свою программу «мира без победы». Это была лебединая песнь пацифизма янки, и какие прекрасные мелодии она разводила!

> «Мир должен быть заключен на основах равноправия; не должно быть и тени унижения какой бы то ни было страны: защита малых народностей; самоопределение наций; свобода морей; обеспечение для всех свободного подхода к ним» и т. д.

Правда, президент уже слишком подчеркивал «независимую и самостоятельную Польшу», но и это ударение делалось таким тоном, что никак нельзя разобрать против кого именно, против чьих несправедливых притязаний на Польшу, — австро-германских или русских, — направлено оно. Оптимизм Вильсона рисовал картины всеобщего счастья. Оставалось только одно: его устами мед пить.

Какие же дипломатические «шаги» предшествовали и последовали за этой речью?

18 декабря 1916 года Вильсон выступил с давно рекламируемым обращением к воюющим сторонам о мире. Практические предложения в этой ноте были густо завуалированы. Однако, сквозь туман просвечивала центральная мысль.

Белый Дом должен стать местом, куда стекаются все предложения и требования участников войны, и где они подвергаются христианско-примирительной обработке со стороны Вильсона. Святой оптимизм президента доходил до утверждения:

---

[1]) Frederick Palmer. — „Looking back on the World's War". „World's Work". April, 1927 г.

«Основные принципы обеих воюющих сторон, насколько я понимаю, в сущности не отличаются друг от друга».

Самый факт обращения мотивировался «тяжелым уже сейчас положением нейтральных государств, которое угрожает стать невыносимым»,—намек на возможность перехода Германии к неограниченной подводной войне, которая ударила бы чувствительно по карману нейтральных мародеров. Ближайшие друзья и сотрудники Вильсона, имевшие, казалось, возможность читать в его мыслях, как в раскрытой книге, отказывались все же понять, почему именно теперь, в конце 1916 года, президент решился на свое «миротворческое» выступление. Тем более невооруженному глазу момент представлялся во всех отношениях неподходящим.

За 6 дней до этого, 12 декабря, германское правительство обратилось к державам Антанты с нотой, предлагающей начать переговоры о мире. Союзники оказали этому предложению демонстративно-враждебный прием, что, в свою очередь, довело шовинистические страсти германской печати до самых высоких градусов. Американская нота явилась, таким образом, как будто в «час неурочный». Почему выбран именно этот час? Это было тем менее понятно, что судя по содержанию, нота давно была уже готова и успела зачерстветь в президентском столе.

Исчерпывающее, хотя и запоздалое раз'яснение этой загадки мы находим у Пальмера (в 1927 г.!)

«Бросим взгляд на положение в марте 1917 года. Было известно, что мятеж поднял голову в некоторых французских полках. Нельзя было уже ждать от союзников большего, чем удерживать западный фронт в надежде, что истощение наступит раньше у врага. Англия сидела на скудном пайке. Германия же строила больше подводных лодок, чем теряла. А русская армия была разрушена революцией и уходила в тыл. Румыния была разбита, итальянская армия стояла в траншеях позади своих границ. Везде германские армии находились на территории союзников» [1]).

[1] „World's Work", April. 1927, стр. 589 и сл.

Картина, действительно, печальная, но как будто лишь для тех, кто считал разгром австро-германцев единственным условием мира. Но Вильсон, как он сам неоднократно возвещал, не принадлежал к этой категории узких людей, не понимавших, что «настоящий мир возможен только без победы».

Почему же он именно теперь вытащил свое застарелое предложение о мирном посредничестве, которое, если и могло иметь какую-нибудь разумную цель, то лишь в качестве повода вступления в войну? Пальмер не оставляет без ответа и этот вопрос. Отношение Америки к союзникам, согласно его положению, проходило через две различные фазы.

Фаза первая.

> «Так как в виду английской блокады мы не могли посылать снаряжение в Германию, то наши поставщики, естественно, были на стороне союзника. Наши экономические интересы были связаны с делом Антанты. В этих кругах (поставщиков) особенно сильно было настроение против деклараций президента о «мире без победы» или о том, что «мы слишком горды, чтобы воевать». Природа продавца заставляет его всегда быть на стороне клиента, находящегося в смертельной схватке, а не на стороне того, который не покупает товара...»

«Но быть на стороне»—это еще не значит отказаться от всех выгод нейтралитета и вмешаться в войну. И президент Вильсон в беседе с Пальмером об'яснил ему эту простую истину следующим образом:

> «Говорят, что наш народ хотел вступить в войну раньше. Я знаю, что это не так. Те самые круги общества, которые громче всего призывали к войне, обращались ко мне доверительно через высокопоставленных лиц с просьбой оставаться в стороне».

Такова была первая фаза, когда «природа» торговца вполне удовлетворялась тем притоком наличного золота, который еще шел из стран Антанты. Но вот наступает вторая фаза, характеризуемая обстановкой на театре

военных действий весной 1917 года. Теперь благожелательного нейтралитета уже недостаточно, ибо он не обеспечивает интересов поставщиков, начавших продавать союзникам военный материал в кредит.

> «Союзники должны победить, или мы потеряем заказчиков. Если союзники потерпят поражение, мы не получили бы по нашим векселям. Интерес нашего кармана и ненависть к кайзеровскому милитаризму гребли по одному направлению, направляя наш корабль в бушующее море войны».

Вот что стояло на обратной стороне той миролюбивой ноты, необходимость которой для Вильсона окончательно выяснилась уже в конце 1916 года. Эта «обратная сторона» должна была, разумеется, сказаться в той дипломатической игре, которую повел в связи с нотой и под ее прикрытием Вильсон. Вот что рассказывает о ней Фридрих Луквалдт— историк, относящийся сочувственно к политике Вильсона [1]).

> «Чтобы сделать это предложение (Вильсона) более приемлемым для дипломатов Антанты, Лансинг (государственный секретарь Америки) сделал заявления, которые, если они были искренни, обнаруживали исключительное пристрастие к Антанте. Так, например, он заявил русскому послу, что если Россия потребует вывода без всяких условий неприятельских войск с занятой ими территории, аннексии Константинополя и части Австрии, раздела Турции и свободных рук на Балканах, и если Германия, как можно ожидать, отклонит это предложение, — то можно возложить на Берлин вину за продолжение войны...
>
> Не менее своеобразно было заявление американского посла в Париже Шарпа, который выразился в том смысле, что нота была послана под давлением политической обстановки в Америке с целью освобо-

[1]) Friedrich Luckwaldt, „Geschichte der Vereinigten Staaten von Amerika". Berlin 1920. II Band. S. 275—290.

дить президента от ответственности перед страной на тот случай, если Соединенные Штаты окажутся втянутыми в войну».

Приводя это заявление Шарпа, Луквалдт высказывает сомнение, соответствовали ли они тем инструкциям, которые посол получил из Вашингтона». Но немецкий «историк» здесь явно перебарщивает и хочет заставить Соединенные Штаты продолжать игру уже после того, как «банк сорван» и выигрыш мирно покоится в склепах нью-йоркских банков. Это излишний «формализм»! Американец Пальмер смотрит на дело практичнее и проще. Он не только подтверждает, но и «обосновывает» провокационный характер мирного предложения Вильсона.

Ответы сторон на мирное обращение не заставили себя долго ждать. Союзники, непримиримость которых могла только укрепиться в результате «миролюбивых» нашептываний дипломатов Вашингтона, отказались наотрез от посредничества. Что касается германского империализма, то, получив от союзников отказ на предложение о мирных переговорах, он бросился на последнюю разбойную меру, еще им неиспользованную: на военном совете, под председательством Вильгельма, было принято решение приступить с 1 февраля к неограниченной подводной войне. Знал ли об этом решении Вильсон, когда он произносил свою, дышащую «золотым» оптимизмом, речь 24 декабря? Во всяком случае, когда его доверенное лицо, полковник Хаус, вел последнюю наиболее «искреннюю» из всех предшествующих бесед о мире с германским послом Бернсторфом, у того в кармане уже была телеграмма Берлина с поручением сообщить вашингтонскому правительству о начале подводной войны. Бернсторф был, разумеется, не так скверно воспитан, чтобы испортить бочку меда мирной беседы ложкой дегтя— своей информацией. Друзья расстались полные веры в близость мира, — в том, что каждый из них обжулил другого, но сам не обманут.

Но Вильсону совершенно не надо было знать текста берлинской телеграммы с об'явлением подводной войны

(утаенной до поры до времени Бернсторфом), чтобы произносить 24 декабря свою архи-миролюбивую речь в полной уверенности, что в ближайшие дни у него будет идеальнейший повод для вступления в войну. Вся обстановка говорила за то, что Германия, вынуждаемая логическим развитием своих разбойничьих планов, вот-вот сыграет на руку Вильсону, как она сыграла в августе 1914 года на руку Грея. Да и, кроме того, вряд ли можно сомневаться, что «провидение», которое, как мы уже знаем, крало и расшифровывало телеграммы для Англии, не оставляло президента Соединенных Штатов без своей благодати. Не мог же Вильсон, шахматные таланты которого приводят сейчас в одинаковый восторг и пацифистов и империалистов, вести такую сложную игру с такой колоссальной ставкой втемную, не глядя на доску? И действительно, если не телеграмма о подводной войне, то другая не менее эффектная берлинская телеграфная директива Бернсторфу очутилась в руках Вильсона и была использована им с максимальным успехом. Речь идет о сделанном Германией, — еще в период самых дружественных своих отношений с Вашингтоном,—предложении Мексике вступить в войну с Соединенными Штатами на весьма выгодных условиях.

Правда, Вильсон не использовал этой телеграммы 3 февраля при разрыве дипломатических сношений, но это свидетельствует только о его дальновидности и выдержке. Лишь 28 февраля он выступает в сенате с громовой речью против германского маккиавелизма», пытавшегося натравить Мексику на Соединенные Штаты, обещав ей подарить три штата, принадлежавшие Соединенным Штатам (т.-е. ограбленные ими же у той же Мексики): Новую Мексику, Техас и Аризону. Эффект получился громадный! Как «вырвать из благоустроенного государственного организма Соединенных Штатов целых три штата, из которых один принадлежит к числу наиболее цветущих, и ввергнуть их в мексиканскую анархию?». Те остатки оппозиции, которые были еще в сенате против войны с Германией, оказались пристыженными. Вильсон одержал полную моральную победу. Он через несколько недель использовал ее, отдав,

даже не запросив сенат, приказ американским торговыми судами стрелять по германским подводным лодкам. Игра была доведена до конца.

Каковы же ее результаты? Предоставим снова слово Пальмеру, воспевающему пацифистские заслуги покойного президента.

> «Та самая Америка, которая еще в 1914 году вывозила золото за границу и была страной королей, извлекавших богатства из эксплоатации девственных лесов, приисков золота, угля, меди и железа, из нефтяных источников и постройки железных дорог и городов... получила новый громадный источник золота как раз в тот момент, когда старые ресурсы истощались. Этот источник упал с неба при молниях войны в форме метеоров, содержащих тонны и тонны золота... Мы никогда бы не увеличили так своего капитала при нормальных законах мирной торговли. Мы выиграли больше всех... Мы превратились в мировой резервуар золота. Наши заграничные займы растут. Наш капитал, настойчиво требующий экспансии, проникает во все предприятия мира. Американского банкира, путешествующего за границей, принимают как принца».

Конечно, победа далась американскому народу недаром. Конечно, он добился ее в настойчивой борьбе. Но каковы были средства этой борьбы и победы? Все статьи юбилейного номера «World's Work» говорят о том, что необходимо сейчас, в 1927 году, расширить военную морскую программу Соединенных Штатов, поднять еще выше их военное могущество. Разделяя вполне этот взгляд, империалистский публицист Пальмер считает своевременным напомнить, что одним из наиболее действительных факторов победы было не что иное, как пацифизм Вильсона. Как лицо, посвященное во все тайны черной магии Белого Дома, он описывает всю механику пацифистского обмана.

> «Главнокомандующий всеми нашими вооруженными силами, в руках которого была сосредоточена вся военная власть, сам был приверженцем формулы «мы слишком горды, чтобы воевать». Можно было ду-

мать, что его главным занятием останется писание нот, а не изготовление удушливых газов. Но именно эта пацифистская репутация президента Вильсона и военного министра Беккера была полезна в деле об'единения демократии в целях войны. А раз та убедилась в необходимости войны, то уже проводила ее не за страх, а за совесть. Если бы президент Вильсон не выставил лозунга «мира без победы» и не говорил бы так много в своих нотах и речах о гуманности, что ставилось ему в упрек его критиками, то наши дивиденды и заработная плата не возросли бы так сильно. И число собственников автомобилей тоже не было бы столь велико».

«Следя за шахматными ходами обеих воюющих сторон и поджидая момент, когда вследствие истощения всех он получит возможность решительно выдвинуть свою фигуру и об'явить шах», Вильсон попутно убирал с своего пути все предрассудки «демократии» по части войны. «Проклятие всем войнам!» — воскликнул Гомперс в июле 1914 года. Но, разумеется, и тогда этот империалистский, хорошо оплачиваемый лакей не относил к категории «всех» ту «особую» войну, которая с минимальными жертвами превратила американских путешественников в «принцев крови». «Склонить» продажную и развращенную банду профсоюзных дельцов на выгодный империалистский грабеж было делом нетрудным. Надо было еще преодолеть сопротивление той части буржуазии, которая экономически была связана с Германией и заинтересована в ее успехе. Надо было обмануть массы. Но и на этом фронте пацифистский подход Вильсона побил все рекорды.

Но еще более действительным певец вильсоновской славы считает то разрушительное действие, которое оказывал пацифизм Вашингтона на германскую армию.

«...Солдаты, находящиеся на фронтах, больше всех откликались на призыв к миру. Вильсон был их главным героем и выразителем тех мыслей, которые сами они высказать не были в состоянии... Летом

и осенью 1918 года, когда перед германскими солдатами выросла американская армия, со своей свежей храбростью и упорством, в памяти у них еще оставалась мирная пропаганда Вильсона. «Либо хороший мир, который нам обещал Вильсон, либо новые миллионы американских солдат будут прибывать на фронт». Именно эта альтернатива заставила германские войска прекратить борьбу и обезоружила кайзера в момент, когда Германия еще имела мощную и хорошо вооруженную армию, способную удержаться еще целый год на укороченной линии фронта... Наш президент использовал, таким образом, свою мирную программу, которая для германцев стала уже традиционной. Мы не хотим этим сказать, что президент повинен был в шантаже. Он только продолжал применять свой метод при изменившемся положении и при новой психологической обстановке».

Шантаж! Разумеется, не американскому империализму принадлежит честь изобретения этой дипломатической системы. Но, кажется, «вильсонизм» остается до сих пор непревзойденной формой шантажной игры. Вашингтонская дипломатия продолжает и теперь крепко держаться за пацифистскую курицу, приносящую ей золотые яйца. Кулидж хотя и бездарно, но копирует Вильсона. Он положил себе в карман Панаму, завоевал Никарагуа и ведет палаческую интервенционную войну в Китае с фразами поблеклого пацифизма на лживых устах. Выработался даже соответствующий ритуал для разрешения этой задачи: более или менее значительная группа оппозиционных сенаторов произносит более или менее решительные речи против отправки войск, против продолжения военных действий; правительство отвечает более или менее категорическим заверением в своем «миролюбии», в отсутствии у него каких бы то ни было завоевательных замыслов; печать «всех направлений» сразу начинает бить в одну и ту же точку, поднимая под всевозможными заголовками шум по поводу победы, «одержанной противниками агрессивной политики»; как раз в это время и происходит переброска войск в Никарагуа

или Китай, совершается свержение неугодного нью-йоркской бирже правительства или расстрел Нанкина. Общественное мнение оказывается перед «совершившимся фактом» и охотно следует мудрому совету: не судить победителей[1]).

Пацифистский шантаж стремится не только обмануть общественное мнение своей страны (которое очень охотно идет на обман), но и внести разложение, развал и раскол в ту страну, которую американский империализм наметил своей жертвой. Заявление Вашингтона о его «незаинтересованности» в китайских делах, об «отсутствии у него империалистских целей и привилегий», о его «нейтралитете в происходящей гражданской войне» способствовало укреплению правого крыла Гоминдана и расколу национально-революционного движения в наиболее благоприятный для империалистов момент. Можно было бы по документам проследить механику англо-саксонского обмана в Китае по отдельным фазам его, но это потребовало бы специальной работы.

Пацифистский шантаж, опирающийся на чудовищную технику и подавляющую финансовую мощь, определяет сейчас внешнюю политику империализма янки.

НЕ ОБМАНУТЫЕ «ДУРАЧКИ», А СОЗНАТЕЛЬНЫЕ ПРЕДАТЕЛИ

Разоблачая дипломатию Бисмарка, втравившего германский народ в «священную» войну 1870 года, при помощи подлогов, Вильгельм Либкнехт писал.

> «Конечно, то, что совершилось, нисколько не изменится от того, что германский народ узнает, что война семидесятого года была задумана, подготовлена теми, которым так хорошо удалось изобразить себя оскор-

---

[1]) Оглушительное действие того бума, который поднимается всей буржуазной печатью, так велико, что оно может ввести в заблуждение даже действительных противников войны. Так, в конце прошлого года напирающая со всех сторон „информация“ о том, будто Кулидж под влиянием протеста сенатора Бора отказался от плана послать войска в Никарагуа, проникла даже (в самый разгар интервенции!) в американскую коммунистическую печать. Центральный орган американской компартии „Daily Worker“ сейчас же исправил эту ошибку.

бленными и застигнутыми врасплох разразившейся войной. Но, по крайней мере, народ узнает, что он и на этот раз, как и много раз раньше, оказался обманутым и проведенным, и какие средства политического лицемерия были пущены в ход, чтобы «воодушевить» и погнать его на войну, которая в своем конечном результате стремилась лишь к тому, чтобы укрепить господство прусской сабли над Германией [1]).

Разоблачение тех подлогов и той системы обмана, которая «воодушевила» и погнала на величайшее преступление народы в 1914 году, имеет еще большее значение. Революция вскрыла этот заговор, показала массам политическое лицемерие не только официальных организаторов войны, но и буржуазных пацифистов и, что еще важнее, реформистских вождей всех оттенков и калибров. Конечно, участие вождей II Интернационала в дипломатической лжи своей буржуазии не исчерпывает предательства социал-демократии, но оно является одной из наиболее ярких форм его, разоблачением которой легче всего раскрыть глаза широким массам трудящихся. Вот почему после войны и революции так взволновались социал-демократические вожди, видя, что убийственные для них улики выплывают на свет божий. Особенно взволновались германские вожди, ибо, с одной стороны, свержение Гогенцоллернов выдало с головой всех его соучастников, с другой—они нуждались в сохранении «репутации», чтобы удержать под своим влиянием массы и прикрыть буржуазию в момент революционной опасности.

Какие же вожди пытались выйти из этого «хуже губернаторского» положения? Откровенные оппортунисты, т.-е. официальная верхушка германской социал-демократии, попытались просто скрыть уличающие их документы. Каутский рассказывает, как настойчиво правительство, во главе которого стоял социал-демократ Эберт, пыталось задержать появление в свет даже книги самого Каутского, в которой использован материал из архива министерства иностранных дел. Но пустить концы просто в воду оказалось невозмож-

---

[1]) Wilhelm Liebknecht. „Die Emser Depesche“, s. 20.

ным и совсем не потому, что, как думает Каутский, он, его сотрудники и жена (последнее специально отмечено автором!), потратил много времени на обработку министерских документов [1]. Кроме этих моральных, были и другие, гораздо более веские основания: новое «революционное» правительство должно было дать союзникам убедительное доказательство, что оно окончательно рвет с Гогенцоллернами. Чтобы обезопасить себя, хотя бы на некоторое время, от рецидивов германского империализма, союзный империализм требовал от социал-демократов не только отречения от преступлений монархии, но и публичной выдачи участников заговора. Подчиняясь этому требованию, государственные деятели социал-демократии должны были отказаться от дальнейшего запирательства и прибегнуть к тому дипломатическому, «центристскому» способу «раскаяния», по части которого лучшим специалистом является Каутский.

Способ же Каутского заключается в том, чтобы, признавая факты, отрицать которые никак невозможно, попытаться свалить все на других, чтобы самому уклониться от ответственности и даже удостоиться одобрения за «чистосердечное» признание. Делает он это с такой непринужденностью, с такими претензиями на искренность, которые нисколько не уступают политическому лицемерию предвоенного периода.

> «Германское правительство сумело ловко использовать свой информационный аппарат, который стал единственным источником осведомления о внешней политике для всего германского народа в дни начавшегося обособления Германии от заграницы. Тот, кто получал только эти информации, должен был твердо верить, что Германия принимает все усилия к сохранению мира, и ей удастся склонить к этому и Австрию, но что Россия твердо намеревается воспользоваться этим предлогом к войне. Следовательно, Россия представлялась в глазах

[1]) Как особо важный довод, Каутский приводит то соображение, что, работая над министерскими материалами, он отрывался от „занятий в комиссии по социализации". Не этим ли об'ясняется, что он „насоциализировал" не очень-то густо?

германского народа нарушительницей мира, нападающей стороной, а Франция и Англия — ее преступными соучастниками.

«...Таким образом, бетмановской тактике удалось великое дело: сделать германский народ соучастником военной политики правительства в том смысле, что народ согласился и поддерживал ее вплоть до военного краха» [1]).

Все это, конечно, верно, но все это обходит существо вопроса. Кто может сомневаться, что германский народ оказался обманутым бандой военных заговорщиков? То признание, которого от Каутского требует не союзная дипломатия, а международный пролетариат, заключается не в этом: в качестве очень осведомленного «свидетеля» ему следовало бы также «чистосердечно» показать о том, какова была роль германской социал-демократии в этом военном заговоре. Ведь вильгельмовская клика не могла прямо и непосредственно влиять на народ, на организованный пролетариат Германии. Ведь бетмановская тактика проводилась не в безвоздушном пространстве: на политической арене Германии находилась такая численно могучая сила, как социал-демократия, помимо которой германский империализм не имел доступа к пролетариату. Что же сделала социал-демократия, что сделали профсоюзы, чтобы помешать правительству «ловко использовать свой информационный аппарат».

«Если бы германская социал-демократия знала, что ее правительство не было захвачено врасплох австрийским ультиматумом, но что оно, наоборот, хорошо было осведомлено — хотя быть может и не текстуально — с его практической тенденцией еще до вручения в Белграде, что германское правительство не было мирным зрителем, старавшимся посредничать между союзником и его противником, а участником в заговоре с Австрией, тогда наша партия — чего определенно можно было ожидать при ее тогдаш-

---

[1]) „Как возникла мировая война“, стр. 220 и сл.

ней позиции — резко выступила бы как против германского, так и против австрийского правительства. Тогда Вильгельм вынужден был бы либо отказаться от войны, либо начать ее с того, чтобы посадить за решетку всех вождей социал-демократии, т.-е. одновременно об'явить войну и Антанте и германскому пролетариату. В этом случае господствующая система была бы уже заранее обречена, а германский народ, разумеется, был бы спасен. Эту опасность для правителей государства Бетман-Гольвег осознал уже с самого начала, и его старания гораздо больше были направлены на то, чтобы создать для войны благоприятную моральную атмосферу среди германского народа, нежели на то, чтобы помешать войне»[1]).

Здесь мы имеем несколько ценных признаний: Каутский уже начинает выбалтывать, хотя так умело и так осторожно, что главный виновник продолжает оставаться в тени. Первое признание заключается в том, что автор об'являет обманутым уже не только народ, но и социал-демократию. К этому признанию Каутский пришел, правда, только в 1919 году, когда он уже может вредить германскому империализму. В мае же 1915 года, т.-е. тогда, когда признание, что социал-демократия обманута, могло бы иметь действительное значение для борьбы с войной, Каутский отрицал не только этот факт, но и возможность этого факта. Он писал тогда:

«... Но кто решится утверждать, что для 4 миллионов сознательных немецких пролетариев достаточно одного приказа горстки парламентариев, чтобы в 24 часа повернуть направо кругом, прямо против своих прежних целей? Если бы это было верно, тогда это свидетельствовало бы, конечно, об ужасном крахе, но не только нашей партии, а и массы. Если бы масса была таким

---

[1]) „Как возникла мировая война," стр. 119.

бесхарактерным стадом овец, тогда мы могли бы дать себя похоронить» [1]).

Итак, в 1915 году, угождая правительству Вильгельма, Каутский уверял, что масса не может поддаться на обман, на квалифицированный обман, покрываемый авторитетом еще сохранившей свое влияние социал-демократии, а в 1919 году под тем же мотивом угодливости, но уже перед антантовским империализмом, он уверяет, что сама социал-демократия оказалась застигнутой врасплох «информацией Бетмана-Гольвега» и, благодаря этому, «прозевала» сделать революцию.

Второе «признание» заключается в том, что если бы заговор империалистов был разоблачен своевременно, если бы, по крайней мере, с момента пред'явления австрийского ультиматума социал-демократия знала бы об участии в нем германского правительства, то «господствующая система была бы заранее обречена, а германский народ был бы, разумеется, спасен» (при этом Каутский, не без заднего умысла, изображает дело «свержения господствующей системы» делом гораздо более легким, чем оно есть в действительности). В свое же время германские социал-соглашатели, с Каутским во главе, отрицали самую возможность агитации за борьбу с правительством при об'явлении войны.

Но и в припадке раскаяния и под прикрытием его Каутский проделывает новый жульнический фокус, то подставляя вместо слова «народ» организованную социал-демократию, то стараясь упрятать за широкой спиной партии ее вождей (которые, не оказались «за решеткой» вильгельмовского правительства, а в коалиции с ним). Если германский народ и социал-демократическая масса действительно оказались обманутыми, то как же дело обстояло с вождями? Являлись ли они также жертвой «информационного аппарата Бетмана-Гольвега» или главной действующей силой этого аппарата? И сам Каутский, принадлежит ли он к числу обманутых или обманщиков?

---

[1]) „Нейе Цейт“, 1915 г., № 9

От ответа на этот важнейший вопрос кающийся Каутский не может отделаться иначе, как путем новых софизмов, отговорок и дипломатических увертoк. Об'явить всю банду социал-демократических вождей, парламентариев, журналистов и т. д., проявивших такое громадное творчество по части военной лжи, об'ектами бетмановского обмана, об'явить всех этих Шейдеманов, Мюллеров, Зюдекумов и т. д. жертвами недостаточной информации — это после войны и революции дело нелегкое даже для Каутского. Мы видели выше, что по тому пункту, который Каутский считает центральным,—о подстрекательстве Германии,—«Форвертс» в одном № даже проговорился («г. Бетман-Гольвег несомненно обещал г. Бертхольду свою поддержку с тыла»), и что, проговорившись, он на завтра же поспешил увеличенной дозой лжи компенсировать эту неосторожность. Мы видели, как искусно социал-демократические вожди меняли версии, при помощи которых они втягивали партию и народ в войну, «угадывая» (а может быть, и не только угадывая), что нужно в каждый данный момент дипломатии. Мы знаем, что 4 августа при голосовании кредитов правительство роздало парламентариям Белую Книгу, в которой, в целях подбадривания Австрии, оно уже отказывается от отрицания своей причастности к ее ультиматуму, выдвигая новые продлоги для открытия военных действий, и что, несмотря на это, социал-демократическая фракция, не поморщившись, проглотило и эти новые версии. Мы знаем, что предвоенная ложь являлась лишь преддверием к длинному ряду обманов на всем протяжении войны, в котором официальная социал-демократия являлась активнейшим соучастником. Мы знаем, наконец, что среди самой социал-демократии раздавались честные революционные голоса Карла Либкнехта, Розы Люксембург, Франца Меринга, Клары Цеткин и др., которые разоблачали ложь не только правительства, но и официальной социал-демократии. Наконец, и это самое важное, «вожди» отнюдь не могли быть «захвачены» врасплох австрийским ультиматумом», ибо на неизбежность империалистической войны между разбойными правительствами за передел мира указывали не раз и международные и национальные с'езды социал-

демократии, а роль дипломатической лжи в подготовке войны была разоблачена гораздо раньше, чем Каутский превратился в кающуюся Магдалину.

> «Это был старый Либкнехт, это была немецкая социал-демократия, которая сочла своей задачей и обязанностью открыть и показать народным массам, «как делается война».
>
> «Делание войны» исключительно и всецело для защиты угрожаемого отечества вообще не было изобретением Бисмарка. Он следовал лишь со свойственной ему педантичностью старому, всеобщему, действительно международному рецепту буржуазного государственного искусства. Где и когда происходила хоть одна война, с тех пор как так называемое общественное мнение играет некоторую роль в соображениях правительства, чтобы военная партия не была вынуждена вынуть меч из ножен против своего соперника с «тяжелым сердцем» и всецело и исключительно для «защиты отечества»? Легенда также необходима для ведения войны, как свинец и порох. Игра стара. Ново лишь то, что в этой игре принимает участие социал-демократическая партия»[1]).

Об'явить при таких условиях организаторов чудовищной лжи невинно-обманутыми младенцами значило бы разоблачить ту цель, которая водила пером Каутского, когда он писал свою книгу. В 1919 году идеолог центризма уже и еще не решается это делать. Вот почему Каутский заставляет своих коллег затеряться в толпе, «потонуть» в социал-демократической массе, исчезнуть, как активный фактор политической жизни.

Но если Каутский всячески избегает говорить о Содоме и Гоморре германской социал-демократии, то с тем большим удовольствием он говорит о ее праведниках, заслуги которых способны спасти этот Содом от разрушения. Надо ли говорить, что в роли Лота выступает не кто иной, как Каутский сам? Он «заявил»! Он «предупреждал»! Он «указывал»!

---

[1]) Роза Люксембург. „Кризис социал-демократии“, стр. 22.

«Отдельные смелые дальновидные, германские социалисты уже во время войны осознали и открыто говорили о том, что германский народ гнуснейшим образом обманут своим правительством, что лишь таким образом он мог быть вовлечен в войну».

Кто эти «смелые» и «дальновидные» люди? Конечно, это не Карл Либкнехт и не Роза Люксембург, о которых Каутский вовсе не упоминает. «Смелые» — это Каутский и его группа. Но что же говорили они при голосовании кредитов, когда Каутский, по его словам, «предупреждал»? Как об'яснил он свою «смелость», выразившуюся в предложении воздержаться при голосовании?

«...Поставьте, по крайней мере, ваше голосование в зависимость от того, чтобы правительство дало гарантию относительно своих целей ведения войны. Было бы противно здравому смыслу, если бы наша сила (социал-демократической партии) обязывала нас к тому, чтобы мы сделали правительство совершенно независимым от нашего контроля... Мы достигли бы уже многого, если бы выставлением известных условий для нашего голосования показали, что наше согласие было дано лишь после того, как правительство безусловно нам подчинилось. Наша пропаганда мира тем самым впоследствии была бы нами значительно облегчена, и враждебность других стран и Германии вследствие этого значительно ослабела бы» [1]).

Итак, ни слова о борьбе с войной, об империалистическом правительстве, втянувшем в нее народ, даже о международной солидарности рабочего класса. «Дальновидность» Каутского заключается в том, что он 3 августа уже думает о новых иллюзиях, при помощи которых можно будет заставить массы умирать за «справедливый», «демократический» мир. Блага будущего мира, который даже еще не мерцает сквозь кровавый туман, он превращает в новую

[1]) Kautsky. „Socialdemokratie im Weltkrieg".

приманку, как это делали буржуазный пацифизм и реформизм в Англии, да и само английское правительство, дипломатически подкованное куда лучше германского. Он хочет застраховать германский империализм от несчастного случая поражения, советуя ему сейчас уже начать делать маленькие взносы болтовней о целях войны, чтобы в черный день возможного поражения «облегчить впоследствии пропаганду мира» и «смягчить враждебность других стран». Предлагая социал-демократам воздержаться от голосования кредитов, Каутский предвидит тот момент, когда ему можно будет сослаться на этот героический акт в книжке, цель которой — искупить грехи официальной социал-демократии и тем самым предотвратить полное крушение буржуазной дипломатии.

Эта дальновидность вполне оправдала себя. Дипломатическая переписка правительства Вильгельма, столь убийственная и для вождей социал-демократии, «обезврежена» Каутским. Мало того. Непочтительное отношение к дипломатии, обнаруженное автором книги «Как возникла мировая война», оказалось и недостаточно устойчивым. Через несколько лет Каутский пишет другую книжку — «II Интернационал и Советская Россия», — в которой он дает буржуазной дипломатии советы, в какой форме и под каким предлогом выгоднее организовать интервенцию против Советского Союза.

ПРИМЕРЫ ПРОШЛОЙ ВОЙНЫ

Выше указывалось, что те поводы, которые буржуазия и реформизм фабриковали для симуляции оборонительной войны 1914 года, непригодны для чисто классового похода на Советский Союз. Чудовищный опыт империалистической войны и то чувство товарищеской солидарности, которое связывает с Советским Союзом рабочий класс капиталистических стран, чрезвычайно затрудняют интервенционную работу изготовителей подлогов и фальшивок. Вместе с тем изменилось значительно и расположение сил в империалистском лагере. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить выдержанную, расчетливую посредническую роль Англии в последней империалистской войне, обеспечив-

шую ей превосходство не только над противником, но и над всеми европейскими союзниками, с ее нынешней авантюристской, безоглядной, диктуемой злобой и трусостью, политикой в подготовке войны против СССР. В 1914 году в двери кабинета Грея стучались все дипломаты обеих группировок, ловя его намеки, изворотливые фразы, недоговоренные обещания и скрытые угрозы. В 1927 году его преемник Чемберлен ухаживает за всеми дипломатами Европы, нашептывает, убеждает, склоняет их к священному крестовому походу, щедро платит за одни обещания поддержки, ловит союзников, а его агенты обивают пороги всех кабинетов, не брезгая второстепенными. Значительная перемена произошла и в позиции других стран, из которых одни заинтересованы в сохранении Версальского мира и боятся тех неожиданностей, которыми чреваты военные конфликты, а другие, хотя и стремятся к ликвидации Версаля, но, не доверяя Англии, неохотно идут на то, чтобы произвести новый «передел» под ее руководством. Выступление колониальных народов, в первую очередь Китая, на исторически революционную арену в качестве самостоятельной, располагающей неисчерпаемыми возможностями силы, естественно перемещает центр всей мировой политики. Не только довоенные группировки уже рассыпались в пепел, но и старые формы и приемы дипломатической лжи и социал-предательства оказываются недостаточными.

И тем не менее, расшифровка тактики буржуазии и социал-соглашательства в 1914 году поможет найти ключ к пониманию дипломатической игры последнего времени. Мы видим, как в самое последнее время зарвавшаяся Англия *спешит выравнять свой фронт* и выдвинуть в качестве прикрытия зависимые от нее страны, как она начинает подыскивать аргументы для оправдания своих грубых насилий, окрашивая их, чем дальше, тем больше, в «невинный», «оборонительный», «бескорыстный» цвет. Посылке Англией оккупационного отряда в Китай, означавшей начало военной интервенции, предшествовал, как известно, «рождественский» меморандум демонстративно-миролюбивого свойства. После дикого приступа классового

бешенства (нападение на торгпредство, разрыв, убийство тов. Войкова), английская дипломатия энергично начинает работать над организацией «рождественского меморандума» для Советского Союза. Открытая атака сменяется обходным движением (через Коминтерн!), и чем глубже, «невиннее» охват, тем больше он втягивает в себя «нейтральные» и «сохраняющие самостоятельность действий» буржуазные соглашательские элементы в самой Англии, а также другие империалистские правительства. Нельзя предсказывать темпы развития событий. Но одно несомненно: военной буре будет предшествовать «миролюбивое затишье». Под покровом этого затишья и будут сотканы поводы для нападения, о которых можно с уверенностью сказать, что они не будут иметь ничего общего с действительными мотивами войны.

Гораздо сложнее, чем в 1914 году, та предательская работа, которую возлагает сейчас воинствующая буржуазия на социал-демократию. Чтобы разрешить ее, реформистские вожди должны упасть, и падают еще ниже, чем в империалистической войне. Политика различных секций II Интернационала в настоящее время, отличаясь в оттенках соответственно политике своей буржуазии, об'единена в основном и решающем: в отрицании самого факта готовящейся войны против СССР. Заговор замалчивания военной опасности направлен на то, чтобы внушить массам иллюзию о продолжительности затишья. Заговор молчания о надвигающейся войне нужен для того, чтобы усыпить бдительность масс, чтобы обезоружить их волю. Война против СССР, как бы долго она ни подготовлялась, должна, по замыслам ее организаторов, обрушиваться внезапно, или же она столь же внезапно обрушится на головы тех, кто ее подготовил.

Отрицая, скрывая, преуменьшая военную опасность, правые и «левые» вожди работают над тем, чтобы внушить пролетариату, будто они в какой бы то ни было степени намерены и способны предупредить нападение на Советский Союз или оказать ему действительную поддержку, когда это нападение разразится. Эти иллюзии облекаются в различные формы, соответственно дипломатической игре пра-

вительства данной страны. Вожди германской социал-демократии, те же Мюллеры и Брейтшейды, которые получили выучку и закалку в предательстве 4 августа 1914 года, говорят о «нейтралитете в борьбе между двумя империализмами — советским и английским», или же о «нейтралитете в борьбе между Востоком и Западом», выдвигая то одну, то другую формулу, в зависимости от того, раздаются ли открыто военные призывы «твердолобых» или же английская дипломатия инсценирует «затишье». В самой Англии реформистские вожди сознательно занимают в деле защиты Советского Союза позицию шаткую, ненадежную, на которой нельзя удержаться против того ураганного огня лжи, которую развивает и еще будет развивать агитационный аппарат английского империализма. Реформистские вожди, правда, протестуют против разрыва английского правительства с СССР. Это лицемерная дань, которую оппортунизм приносит настроению масс, чтобы откупиться от их требований защищать Советский Союз. Но гораздо серьезнее та дань, которую они приносят от чистого сердца своей буржуазии: они против разрыва, только *потому, что он бьет по экономическим интересам самой Англии. Только* поэтому! Ни слова о международной солидарности пролетариата, о священной обязанности пролетариата всего мира защищать страну строящегося социализма, ни слова даже о том, что «разрыв» означает наступление мировой реакции по всему классовому фронту. Вожди, внушая массам, что, оставаясь на этой жалкой соглашательской позиции, можно отстоять неприкосновенность Страны Советов, знают, что в тайниках министерств и охранок уже заготовлены планы для обхода этой национально-либеральной позиции. Больше того, они сами в этом обходном движении участвуют («Протест» Генсовета и верхушки Независимой рабочей партии против «казней» белых террористов)

Каждый день рабочий наталкивается в газетах на многочисленные заявления, уверения, чуть ли не клятвы буржуазных дипломатов, начиная с Чемберлена и кончая социал-демократом Брейтшейдом, что *антисоветского фронта не существует*, что никто даже не стремится к его организации, что если правительства разных стран

одновременно нажимают или хотят нажать на Советский Союз, то это простая, хотя и счастливая, случайность. Ни тени сговора, ни намека на предварительное соглашение! Каждое правительство идет своей собственной дорогой, повинуясь велениям свего гуманного сердца, каждая социал-предательская верхушка ведет «самостоятельную линию», прислушиваясь лишь к голосу совести, и только игра случая сводит их всех в собачьем кутке провокационных интриг против СССР! Провидение, которое, как мы видели, помогало английским министрам и американскому президенту красть шифрованные телеграммы, оказывается и прекрасным наводчиком.

Каждый день рабочий встречает в газетах манифесты, резолюции и речи вождей II и Амстердамского интернационалов об их готовности бороться за мир. Амстердамский интернационал внезапно открывает у себя источник любви к угнетенным народам и намеревается декорировать свой предстоящий конгресс в Париже участием представителей чанкайшистских желтых профсоюзов. Даже русские, даже грузинские меньшевики, приложившие свою жалкую руку к интервенциям 1918—19 гг., симулируют сейчас встревоженность «английской политикой по отношению к СССР».

Чтобы вернее разобраться в этом море ядовитой лжи и тончайшей провокации, читателю, может быть, небесполезно иметь перед глазами «фактические примеры из области прошлой войны».

ИЗДАТЕЛЬСТВО МК ВКП (б) и МОССОВЕТА „МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ“

МОСКВА, 9, Б. Дмитровка, 26.—ЛЕНИНГРАД, Просп. 25 Октября, 68.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

БЕЛОГВАРДЕЙСКИЕ ИНТРИГИ В АНГЛИИ ПРОТИВ СССР. Документы бывшего царского дипломата Саблина. 70 стр. Ц. 20 коп.

О подпочве антисоветской кампании, ведущейся в Англии с 1924 г., негласной связи между русскими белогвардейскими эмигрантами и английскими лордами из правительства консерваторов. Статья из «Правды» от 16 февраля 1927 г. — «Зачинщики срыва англо-советских отношений». Письма черносотенного царского дипломата Саблина к бывшему царскому послу Гирсу и др. заявления замнаркоминдела М. М. Литвинова, сделанное на заседании III сессии ЦИК СССР 21 февраля 1926 г.

БЛИСКАВИЦКИЙ, — Н. Как разоружается капиталистическая Европа. 40 стр. Ц. 20 коп.

Очерк вооружений и военной политики важнейших европейских государств. Ущерб, который нанесла Европе мировая война (1914—1918 гг). Опасности новой мировой войны. Военные силы Англии, Франции, Германии и др. Зачем нужны европейским государствам разговоры о разоружении. Правда о так называемом «красном милитаризме» СССР. Приведены данные по 1926 г. Книга средней трудности.

БОРЕЦКИЙ, Б. — Лига Наций — орудие войны. 48 стр. Ц. 10 коп.

Содержание: Лига Наций — орудие войны. Является ли Лига Наций союзом народов. Действительная цель создания Лиги. Основной пункт устава Лиги Наций. Лига Наций и Германия. Зачем Германия была привлечена в Лигу Наций. Лига Наций и Австрия. Лига Наций и Турция. Лига Наций — орудие империалистического разбоя. Как осуществляется «дружба» между членами Лиги. Лига Наций и разоружение. Лига Наций и СССР.

ЖЕНЕВСКАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЛИГИ НАЦИЙ. Материалы и статьи Н. Осинского и М. Спектатора. 175 стр. Ц. 80 коп.

Содержание: **Н. Осинский.** Мировое экономическое положение с точки зрения СССР. **М. Спектатор.** Проблемы послевоенного кризиса и Женевская экономическая конференция. Приложение. Меморандум Лиги Наций о послевоенной промышленности капиталистических стран.

КУРЕЛЛА, А. — Международный пролетариат на страже СССР. 47 стр. Ц. 10 коп.

Наши союзники в тылу врагов-капиталистов. История главнейших выступлений международного пролетариата в защиту СССР с 1918 по 1927 г. Восстание французских матросов в Одессе 1919 г. Помощь СССР польских, германских и английских рабочих в 1920 г. Агитация коммунистов против войны в зарубежных армиях. Демонстрации рабочих в Лондоне, Париже и Берлине летом 1927 г.

АНГЛИЯ И СССР. Статьи тт. Рыкова, Аралова, Петровского и др. 164 стр. Ц. 30 коп.

Обращение ЦК ВКП(б) по поводу разрыва с Англией и правительственное сообщение по поводу убийства т. Войкова. Доклад А. И. Рыкова на пленуме Моссовета (разоблачение английского шпионажа и пр.). Об антисоветском блоке в Европе. Рабочее движение в Англии после войны. Наша торговля с Англией и экономические последствия разрыва. Блок-нот агитатора, с обзором литературы. Тезисы и резолюции ИККИ.

ПЕППЕР, ДЖОН. — Почему английские империалисты ненавидят СССР. 52 стр. Ц. 8 коп.

Упадок Великобританской империи, экономическая отсталость английского хозяйства, соперничество Англии и Америки. Международное и внутреннее положение Англии, ослабление связей с колониями, обострение классовых противоречий внутри Великобритании, политические настроения буржуазии и, вытекающее изо всего этого, стремление английского империализма к войне.

ИВАНОВИЧ, В. — Почему Англия борется с Советским Союзом. 112 стр. Ц. 75 коп.

Кампания английских «твердолобых» против Советского Союза, подготовившая «изгнание красных», — разрыв дипломатических сношений Англии с СССР в мае 1927 г., и социально-экономические и политические корни этой кампании. (Чем живет Англия. Опасность для нее влияния СССР на колониальном Востоке. Русско-английские отношения за 1921—24 г.г. Нота Чемберлена Советскому Союзу в феврале 1927 г. и др.)—приведен обширный цифровой и фактический материал до 1926 г. включительно).

ИВАНОВИЧ, В. — Советский Союз и Англия в Прибалтике. 48 стр. Ц. 22 коп.

Содержание: **Как возникли прибалтийские государства. Антанта и Прибалтика.** Борьба за влияние на Прибалтику и Польшу. Падение французского влияния. **Финляндия.** Внутренние политические группировки. Хозяйственное положение и английский капитал. Тенденция к сближению с СССР. **Эстония.** Эстония и довоенная Россия. Первые шаги самостоятельной Эстонии. Роль английского капитала и английской дипломатии. **Латвия.** Латвия и довоенная Россия. Иностранный капитал. Латвия и Советский Союз. **Литва.** Хозяйственное положение. Международное положение. Внутренние группировки и отношение к СССР. **Политика Англии в Прибалтике и Польше.** Укрепление Англии в Польше. Неудачные попытки руководить Прибалтикой. Методы английской дипломатии. Причины неуспеха Чемберлена в Прибалтике. Противоречия в среде прибалтийских государств. **Цели и методы советской политики.**

БЕРНС, ЭЛИНОР. — Английский империализм в Китае. Перевод с английского Л. Берга. 53 стр. Ц. 35 коп.

Содержание: От редакции. Взлом дверей. Вывоз капитала. Рост китайской буржуазии. Английский капитал в Китае. Рабочие и крестьяне. Борьба за власть. Послесловие.

АНГЛИЙСКИЙ ИМПЕРИАЛИЗМ В МАЛАЙЕ. **Составлено английским рабочим исследовательским бюро. Перевод с английского Б. Житомирского. 78 стр. Ц. 40 коп.**

Содержание: От редакции. Предисловие. Завоевание Малайи. Стрэйтс-Сеттльмент, Малайская Федерация. Независимые государства. Население. Управление. Торговля. Горная промышленность. Каучук. Капиталистическое ограничение добычи каучука. Вложение капиталов. Борьба интересов.

ОБОРОНА СССР.

АВИНОВИЦКИЙ, Я. Л. — Войны не хотим, но к отпору готовы. 32 стр. Ц. 5 коп.

Какой отпор может дать СССР в ответ на политику войны и усиление враждебной деятельности мировой буржуазии. Налет на пекинское посольство и на торгпредство в Лондоне, убийство тов. Войкова и т. д. Как велики средства нашей обороны: деятельность Авиахима, готовность Красной армии. Состояние воздушного и морского флота и военной промышленности.

МЕЖЛАУК, В. — Рационализация промышленности и оборона СССР. —62 стр. Ц. 15 коп.

Содержание: Что такое рационализация производства. Капиталистическая рационализация. Социалистическая рационализация. Технические способы проведения рационализации. Организационные и экономические условия проведения рационализации. Рационализация как основной фактор индустриализации. Рационализация промышленности и оборона. Рационализация производства — основная задача рабочего класса.

БОГАТ, А. П. — Работница и крестьянка на страже СССР. 32 стр. Ц. 6 коп

Содержание: Почему работницы и крестьянки должны готовиться к обороне страны. Военная подготовка женщин в иностранных государствах. Путь подготовки работниц и крестьянок к обороне СССР. Как вести работу по вовлечению работниц и крестьянок в ячейки Осоавиахима.

ЗОРИН, Б. — Наша Красная армия. 48 стр. Ц. 20 коп.

Почему нам нужна Красная армия, несмотря на то, что мы войны не хотим. Какая армия нам нужна. Состояние нашей Красной армии. Наш командный состав. Специальные части и техника Красной армии. Допризывная подготовка. Рабоче-крестьянская общественность на помощь Красной армии. Красная армия и трудящиеся СССР — одна семья. Книга основана на цифрах и фактах.

ЗОРИН, Б. — В чем сила Красной армии. 39 стр. Ц. 6 коп.

Как вооружены буржуазные армии и Красная армия. Уступает ли наша армия иностранным. Какие у нас есть технические средства войны. Индустриализация страны и боевая мощь Красной армии. Значение политической сознательности красноармейца, в отличие от солдат капиталистических стран.

ЖУХОВИЦКИЙ, А. — Наша Красная армия. 32 стр. Ц. 7 коп.

Для чего нужна нам Красная армия. Какая разница между Красной армией и армиями буржуазных государств. Чему учат красноармейцев в казарме. Связь Красной армии с рабоче-крестьянскими массами. Как живут красноармейцы. Нужно ли нам бояться буржуазной военной техники.

СЕРИЯ «НАШИ СОСЕДИ»

БАДУЛЕСКУ, А. — Румыния. 32 стр. Ц. 18 коп.

Брошюра справочного характера о послевоенной Румынии. Территория и население. Народное хозяйство. Государственный строй. Рабочее законодательство. Национальный вопрос. Народное образование. Политическая жизнь. Рабочее движение. Внешняя политика. Советский Союз и Бессарабия. Румыния как очаг войны с СССР.

СЕМЕНОВ, Б. — Китай. 40 стр. Ц. 20 коп.

Брошюра справочного характера. Общие сведения о Китае. Естественные богатства. Империалисты в Китае. Движущие силы национально-освободительной борьбы, (рабочие, крестьяне, буржуазия). Гоминдан и компартия. Компартия и Комсомол. Китай и СССР. События 1924—1927 гг. (кончая разгромом империалистами Нанкина). Значение китайских событий.

ЯВОРСКИЙ, С. — Эстония (с картой). Брошюра справочного характера. 40 стр. Ц. 20 коп.

Территория и население. Государственное устройство. Народное хозяйство. Народное просвещение. Рабочее движение. Буржуазные партии. Реакционные организации («Лига защиты». Отряды скаутов). Парламент (распределение мест между партиями). Вооруженные силы. Внешняя политика. Цифровые данные до 1926 г. включительно.

ЯВОРСКИЙ, С. — Литва. 19 стр. Ц. 15 коп.

Краткий исторический очерк. Государственное устройство. Территория и население. Народное хозяйство. Народное просвещение. Рабочее движение. Буржуазные политические партии. Общественно-политические организации. Вооруженные силы. Карта Литвы. Цифры и факты приведены по 1926 г. Книга средней трудности.

ЯВОРСКИЙ, С. — Польша. 29 стр. Ц. 20 коп.

Краткий обзор истории современной Польши. Территория и население. Государственное устройство. Народное хозяйство. Народное просвещение. Рабочее движение. Социальное законодательство. Политические партии. Движение молодежи. Военное устройство. Карта Польши. Цифры и факты, главным образом по 1925 г., частично по 1926 г. Брошюра средней трудности.

ЯВОРСКИЙ, С. — Латвия. 36 стр. Ц. 20 коп.

Брошюра справочного харатера о буржуазной республике Латвии, образовавшейся после 1917 г. Очерк прошлого Латвии. Ее территория и население. Государственное устройство. Народное хозяйство. Аграрная реформа. Просвещение. Профессиональное движение. Политические партии и группировки. Вооруженные силы. Внешняя политика.

Цена 50 коп.

Р.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:
ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
МОСКВА, Центр, Кузнецкий Мост, 1. Тел. 5-20-57.
ЛЕНИНГРАД, Проспект 25 Октября, д. 68. Тел. 2-20-59.